СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

МЛАДШІЙ ВОЗРАСТЪ.

АВГУСТЪ 1869 ГОДА.

То зеркало лишь хорошо, которое
вѣрно отражаетъ.

СОБОРЪ СВ. СОФІИ ВЪ НОВГОРОДѢ.

Въ 1045 году, по желанію новгородскаго князя Владиміра Ярославича, внука князя Владиміра святаго, и по благословенію новгородскаго епископа Луки, начато въ Новгородѣ сооруженіе собора Св. Софіи, который и оконченъ и освященъ въ 1051 году, ровно чрезъ полтора столѣтія послѣ того, какъ сѣверныя славянскія племена приняли христіанскую вѣру.

Храмъ этотъ есть самый древнѣйшій, самый достопамятнѣйшій изъ всѣхъ греко-россійскихъ церквей, послѣ кіевскаго Софійскаго собора, построеннаго не много лѣтъ прежде, такъ какъ южно-западные славяне-язычники перешли въ христіанство ранѣе сѣверныхъ; именно въ IX в., при жизни князя Владиміра святаго, христіанское ученіе уже было распространено во всей кіевской области. Первобытная историческая жизнь новгородцевъ соединялась неразрывно съ име-

немъ св. Софіи. Они глубоко почитали ея святыню, олицетворенной Премудрости Божіей; твердо уповали подъ ея покровомъ въ дни своего счастья, силы, славы и богатства, а въ тяжкія борьбы съ дикими племенами бились до послѣднихъ силъ, не жалѣя своей жизни, за цѣлость св. храма и вольность дорогой отчизны. Отправляясь въ битвы, они цѣловали крестъ и говорили: „Станемъ всѣ, какъ единъ братъ. Сложимъ наши головы за Святую Софію и за господина нашего Великаго Новгорода!“ Такъ любили новгородцы называть его, въ чувствахъ народной гордости, особливо послѣ того, какъ Ярославъ I даровалъ имъ многія важныя льготы, за оказанную ими помощь въ продолжительной его борьбѣ съ Святополкомъ, котораго онъ, наконецъ, въ соединеніи своихъ воинскихъ силъ съ новгородцами, разбилъ совершенно при берегахъ рѣки Альты и обратилъ въ бѣгство, гдѣ тотъ и погибъ.

Работы по построенію собора производили тѣ же самые мастера греки, которые окончили лѣтъ десять передъ тѣмъ постройку собора Св. Софіи въ Кіевѣ. Въ тѣ времена мало заботились о красотѣ наружной архитектуры и внутренняго устройства, а болѣе о прочности зданія, потому фасадъ новгородскаго Софійскаго собора не имѣетъ отпечатка искусства и вкуса. Но вотъ, его толстыя, прямыя стѣны стоятъ слишкомъ восемь вѣковъ безъ малѣйшаго признака разрушенія. Полевой, дикій камень и простой кирпичъ— единственные матеріалы сооруженія его стѣнъ. Перпендикулярныя, квадратныя колонны, при высотѣ собора, 18 сажень, поддерживаютъ его своды. Небольшіе, продѣланные вверху, окна давали такъ мало свѣта внутрь, что въ немъ ничего не было видно безъ освѣщенія въ самый свѣтлый солнечный день, что дѣлало его чрезвычайно мрачнымъ, вслѣдствіе этого продѣлали въ нижнемъ фасадѣ нѣсколько большихъ оконъ, почему теперь достаточно свѣтло. Крыша его была обита свинцемъ, но послѣ бывшихъ въ разное время пожаровъ въ Новгородѣ, соборъ значительно пострадалъ, а при послѣднемъ изъ нихъ, самомъ опустошительномъ (въ 1471 году во время нашествія на Новгородъ москвичей, псковитянъ и татарскихъ ордъ) свинцовая крыша его вся расплавилась, такъ что принуждены были ее замѣнить желѣзною. Чрезъ много лѣтъ спустя, при передѣлкѣ собора, нашли подъ стѣнами его до 40 пудъ свинца въ слиткахъ.

Соборъ имѣетъ шесть престоловъ. Главный во имя Успенія Богородицы, весь кованный изъ серебра, новѣйшей прекрасной работы, присланный въ даръ Императоромъ Николаемъ. За престоломъ стоитъ стариннѣйшее греческой работы кресло, на немъ возсѣдали древніе новгородскіе архіепископы, при совершеніи ими богослуженія. Иконостасъ придѣла въ 4 яруса; въ нижнемъ сохранились семь древнѣйшихъ иконъ, изъ коихъ замѣчательны двѣ: Св. Софіи и Спасителя, присланные изъ Корсуня княземъ Владиміромъ святымъ. Предъ иконостасомъ огромное паникадило, великолѣпно украшенное чеканною работою; оно устроено при Борисѣ Годуновѣ, и имъ пожертвовано. Въ соборѣ три паперти: сѣверная — Евфиміевская, западная—Корсунская и южная—Мартиріевская. Прежде, главный входъ въ соборъ былъ въ западныя Корсунскія ворота, чрезъ паперть того же имени; теперь въ нихъ входятъ только архіереи изъ своихъ покоевъ для совершенія службы въ соборѣ, а для прочихъ открытъ обыкновенный входъ съ южной стороны, чрезъ Мартиріевскую паперть. Корсунскія ворота есть древность достойная вниманія. Они вылиты изъ бронзы, покрыты массивными изваяніями, изображающими случаи изъ библейской исторіи. Отдѣлка фигуръ весьма эффектна. Много о нихъ писали, но къ сожалѣнію, никто изъ историковъ-лѣтописцевъ не оставилъ вѣрныхъ свѣдѣній о времени ихъ происхожденія, кто былъ ихъ зодчій и кѣмъ они присланы въ Новгородъ. Одни думали, что они вѣроятно присланы въ одно время съ иконами Св. Софіи и Спасителя изъ Корсуни,

княземъ Владиміромъ святымъ, великому новгородскому князю Владиміру Ярославичу, въ даръ, для строющагося собора Св. Софіи въ Новгородѣ. Другіе утверждали, что они присланы византійскимъ императоромъ. При первоначальной отдѣлкѣ собора, стѣны его были украшены живописью священныхъ картинъ, но пожарами древняя живопись истребилась, осталось въ прежнемъ видѣ только въ главномъ куполѣ изображеніе Спасителя огромной величины. Спаситель изображенъ съ сжатою рукою вмѣсто благословляющей. Объ этомъ у новгородцевъ утвердилось слѣдующее преданіе: по окончаніи работъ въ соборѣ, епископъ Лука, осматривая его, замѣтилъ руку Спасителя сжатою, велѣлъ исправить ошибку, изобразить руку благословляющею; живописецъ три раза передѣлывалъ и каждое утро, приходя къ работѣ, находилъ руку сжатою; наконецъ, онъ услышалъ голосъ, повелѣвающій оставить работу и возвѣстившій, что въ сжатой рукѣ содержится великая, славная судьба Новгорода, а когда наступитъ время его кончины, тогда рука раскроется.

Въ придѣлахъ собора, покоятся открытыми для поклоненія нетлѣнныя мощи праведныхъ и доблестныхъ мужей въ теченіи бурной жизни новгородцевъ. Въ Мартиріевской паперти — св. князя Владиміра и матери его княгини Анны. Въ придѣлахъ Рождества Богородицы — св. князя Мстислава. Въ аркахъ Рождественнаго и Іоакиміевскаго придѣловъ — святителя Никиты. У придѣла Іоанна Предтечи — Іоанна Архіепископа новгородскаго и благовѣрнаго князя Ѳеодора Ярославича, старшаго брата благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

Кромѣ того, много святителей покоятся въ соборѣ подъ спудомъ.

На хорахъ хранится множество древнихъ одѣяній епископовъ и князей; также древняя библіотека изъ 3,000 книгъ и различныхъ рукописей. Замѣчательны три евангелія: одно харитейное XII вѣка и два писанныя архіепископами: Моисѣемъ въ XIV вѣкѣ и Пименомъ въ 1553 году.

Съ сѣверной стороны окружаетъ соборъ обширный дворъ, простираясь до южно-западнаго его угла; на немъ до сихъ поръ уцѣлѣли множество старинныхъ строеній. Всѣ вмѣстѣ, они называются архіерейскимъ домомъ и служатъ помѣщеніемъ для архіереевъ, духовенства, состоящаго въ должности при нихъ, также и церковнослужителей. Къ сѣверу же, у западной стѣны Кремля, построенъ митрополитомъ Іовомъ домъ, въ которомъ помѣщается училище и библіотека. Къ югу, почти на срединѣ двора — находится помѣщеніе архіепископа Евфимія, жившаго въ XV вѣкѣ. Въ началѣ, оно было очень большое, со множествомъ пристроекъ занимало всю часть двора до западной стѣны. Евфимій былъ знатокъ строительнаго дѣла; подъ его распоряженіемъ возведено много разныхъ построекъ, и донынѣ отличающихся своею прочностью и удобствомъ. При каменной его палатѣ возвышается высокая башня, въ ней устроены нѣмецкими мастерами часы съ боемъ, составлявшіе удивленіе того вѣка и существующіе еще теперь въ томъ же видѣ. Къ этому зданію примыкаетъ еще болѣе древнее — архіепископа Іоанна, жившаго въ XII вѣкѣ. На востокъ отъ собора, находится самое старинное зданіе — архіепископа Никиты, жившаго въ IX вѣкѣ, слѣдовательно, вскорѣ послѣ сооруженія собора. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ устроены въ тоже время и церкви, между которыми древнѣйшая — во имя Іоанна архіепископа новгородскаго. Тутъ же при входѣ въ церковь, видна въ правой стѣнѣ келья очень тѣсная, въ которой одинъ святой спасался 20 лѣтъ.

Прежнее церковнослуженіе въ Софійскомъ соборѣ отличалось своимъ древнимъ характеромъ; въ немъ приняты были священнодѣйствія, перешедшія къ намъ изъ старины, до того любопытныя, что мы считаемъ не лишнимъ познакомить съ нѣкоторыми изъ нихъ нашихъ читателей.

*

Пещное дѣйствіе совершалось въ Халдейской пещи, хранящейся до сихъ поръ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, устроенной изъ (липоваго?) дерева, имѣющей въ вышину $3^1/_4$, а въ діаметрѣ $2^3/_4$ аршина. Она состоитъ изъ 12-ти столбиковъ, утвержденныхъ на кругломъ деревянномъ основаніи и продолжающихся во всю высоту пещи. Между столбиками внизу поставлено по одному рѣзному человѣку, въ одеждѣ, съ поднятыми къ верху руками; на рукахъ и на головахъ сихъ человѣковъ утвержденъ кругъ изъ брусьевъ, шириною побольше четверти аршина; на сихъ брусьяхъ поставлены продольныя доски, числомъ 10, оканчивающіяся вверху полукружіемъ: на каждой доскѣ было по три рѣзныхъ святыхъ, въ круглыхъ и продолговатыхъ рамкахъ. Изображеній святыхъ въ настоящее время уже нѣтъ; а видны только мѣста, на которыхъ они находились. Столбики и доски обложены мелкою рѣзьбою, вызолоченною; на столбикахъ, по мѣстамъ, есть рѣзные херувимы.

Пещное дѣйствіе было совершаемо предъ праздникомъ Рождества Христова, въ недѣлю святыхъ Отецъ или Праотецъ *). Оно начиналось на канунѣ упомянутой недѣли, въ субботу, въ навечеріи и оканчивалось на другой день, въ воскресенье.

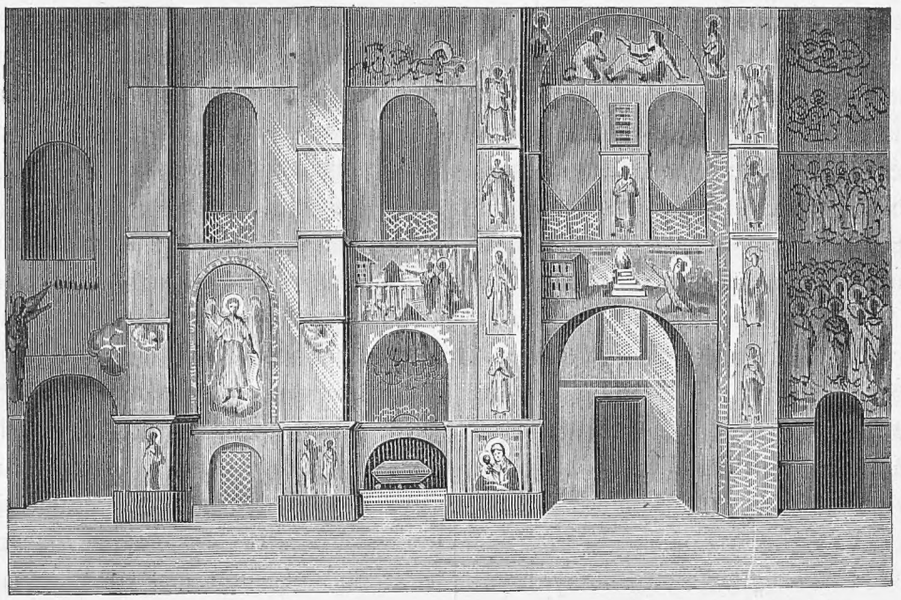
Для совершенія сего дѣйствія заблаговременно снимались въ соборѣ нѣкоторыя паникадила, убирались нѣкоторыя иконы, снимался архіерейскій амвонъ, и на мѣсто онаго, посреди собора, поставлялась вышеописанная пещь; избирались три отрока, представлявшіе святыхъ отроковъ: Ананію, Азарію и Мисаила, которыхъ облачали въ стихари и украшали вѣнцами; избирались еще двое на мѣсто халдеевъ, исполнителей повелѣній мучителя, которыхъ одѣвали въ халдейское платье; тѣмъ и другимъ давали въ руки пальмы. Изготовившись такимъ образомъ, всѣ долженствовавшіе отправлять богослуженіе въ соборѣ, также отроки и халдеи, приходили въ домъ святителя и, принявъ отъ него благословеніе, сопутствовали ему церемоніально въ соборъ, для слушанія вечерни.

На другой день, въ воскресенье, утреня до седьмой пѣсни канона отправлялась обыкновеннымъ порядкомъ; съ седьмой же пѣсни начиналось пещное дѣйствіе. Во время пѣнія слѣдующаго стиха: „тричисленные отроки состави св. Троица,“ учитель отроческій испрашивалъ у архипастыря благословеніе начинать; архипастырь, благословивъ его рукою, говорилъ: „благословенъ Богъ, изволивый тако“! Послѣ сего халдеи изводили изъ алтаря отроковъ, связанныхъ полотенцемъ (убрусомъ) и, поставивъ посреди церкви, близъ пещи, говорили имъ: „дѣти царевы! видите ли сію пещь, изготовленную вамъ на мученіе?“ — „Видимъ, отвѣчали они, но не ужасаемся ея, ибо есть Богъ нашъ на небеси, ему же мы служимъ, Той силенъ изъяти насъ; и сія пещь будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе.“ Въ слѣдъ за симъ, отроки, по снятіи съ нихъ обвязки, получали отъ святителя благословеніе и витыя свѣчи, для нихъ приготовленныя; а халдеи между собой разговаривали. *Первый:* „Товарищъ! это дѣти царевы?“ *Вторый:* „царевы.“ *Первый:* „нашего царя повелѣній не слушаютъ?“ *Вторый:* „не слушаютъ.“ *Первый:* „тѣлу златому не поклоняются?“ *Вторый:* „не поклоняются.“ *Первый:* „и мы кинемъ ихъ въ пещь.“ *Вторый:* „и станемъ жечь.“ И вводили отроковъ, по одному, въ пещь и затворяли оную, а внизу оной поставляли горнъ съ горящими угольями. Послѣ сего протодіаконъ велегласно восклицалъ: „*благословенъ еси Боже отецъ нашихъ*“... и проч. Отроки сей стихъ пѣли въ пещи до конца; а между тѣмъ халдеи увеличивали пламень въ пещи, кидая въ оную удобосгараемыя вещества, и производили пламень около оной.

*) Когда Рождество Христово случалось въ понедѣльникъ или вторникъ, тогда пещное дѣйствіе совершаемо было въ недѣлю св. Праотецъ; а когда Рождество Христово случалось въ прочіе пять дней, то оное совершаемо было въ недѣлю св. Отецъ. Уст. Соф. соб. стр. 59.

Но вдругъ явленіе сіе перемѣнялось. Спускался сверху ангелъ Господень съ громомъ въ пещь къ отрокамъ; отъ чего халдеи падали ницъ и сами опалялись своимъ огнемъ. Спустя нѣсколько времени вставъ, снимали свои колпаки, полагали на пальмы и *первый* изъ нихъ говорилъ: „Товарищъ! видишь ли?“ *Второй*: „Вижу.“ *Первый*: „Было три, а стало четыре, и четвертый лицемъ грозенъ и страшенъ, образомъ уподобляется Сыну Божію“. *Второй* „Какъ онъ прилетѣлъ и насъ побѣдилъ!“ и замолчавъ, стояли съ поникшими головами. Отроки, воззрѣвъ вверхъ на ангела Господня, знаменовались крестнымъ знаменіемъ трижды, и столько же разъ ему поклонялись, и придерживаясь его обходили съ нимъ пещь кругомъ три раза. Сіе дѣйствіе, въ сообразность пѣнія стиховъ, повторялось, и ангелъ то повышался нѣсколько надъ пещію, то опускался въ оную. Когда же ангелъ, въ назначенное время, поднимался изъ пещи вверхъ, то халдеи, открывъ пещь, говорили — *Первый*: „Ананіе! гряди вонъ изъ пещи.“ *Вторый*: „поворачивайся! чево сталъ? Нейметъ васъ ни огонь, ни пламя, ни смола, ни сѣра. Мы чаяли, васъ сожгли, а мы сами сгорѣли.“ Ананія выходилъ, и халдеи, взявъ его подъ руки, говорили: „гряди, сыне царевъ!“ Тоже сказавъ и другимъ отрокамъ, выводили ихъ изъ пещи, по одному, и поставляли предъ святительскимъ мѣстомъ. По окончаніи сего, возглашалось многолѣтіе царю и всему царствующему дому, и утреня оканчивалась обыкновеннымъ порядкомъ.

Отроки и халдеи въ вышеописанныхъ



Иконостасъ.

одеждахъ, въ воскресенье, въ которое совершалось дѣйствіе, вмѣстѣ съ служащими, сопровождали святителя къ литургіи и вечернѣ въ соборъ, и изъ собора въ домъ; этимъ совершенно оканчивалось дѣйствіе.

—

Въ 1-й день сентября праздновалось *начало новаго года;* особенный обрядъ, совершавшійся въ этотъ день до конца XVII столѣтія, былъ извѣстенъ подъ именемъ „*чина лѣтопровожденія.*“ Для этого предварительно устроялось возвышенное „*мѣсто, на немже*

начинать лѣто," противъ церкви Похвалы Богородицы; здѣсь ставились налои для святыхъ иконъ, мѣстныя свѣчи, столъ съ чашею для водоосвященія, и приготовлялись мѣста для святителя и духовенства. Обрядъ начинался крестнымъ ходомъ около собора съ пѣніемъ молебна новому лѣту.

Предъ начатіемъ молебна, святитель въ полномъ облаченіи кадилъ святый алтарь, церковь и народъ, при пѣніи „исъ полла эти:" по кажденіи, на возгласъ протодіакона: „благослови Владыко," возглашалъ въ алтарѣ: „благословенно царство;" далѣе протодіаконъ говорилъ эктенію: „миромъ Господу помолимся;" святитель говорилъ возгласъ, молитву въ слухъ и другую тайно; пѣвчіе пѣли тропарь новому лѣту.

Потомъ, по устроеніи крестнаго хода, святитель, стоя среди церкви за облачальнымъ амвономъ, на возгласъ протодіакона, возглашалъ: „благословенна слава Господня отъ мѣста святаго Его, всегда нынѣ и присно..."; пѣвчіе, по пропѣтіи „аминь", пѣли тропари: „помилуй насъ, Господи, помилуй насъ." Во время пѣнія этихъ тропарей, крестный ходъ выходилъ изъ собора и останавливался предъ западными вратами; здѣсь читалась эктенія, по составу своему отличная отъ нынѣшнихъ, и на каждомъ прошеніи сопровождавшаяся пѣніемъ: „Господи помилуй" сто разъ; послѣ эктеніи святитель читалъ молитву новому лѣту. По прочтеніи молитвы, крестный ходъ продолжалъ шествіе къ приготовленному возвышенію и останавливался на назначенномъ мѣстѣ. Тутъ святитель кадилъ святыя иконы, стоящія на правой и на лѣвой сторонѣ, властей и народъ; потомъ кадили два архимандрита, одинъ правую, а другой лѣвую сторону; далѣе власти и священники кадили тѣмъ же порядкомъ, какъ и архимандриты; во время кажденія пѣвчіе пѣли стихири новому лѣту и антифоны съ припѣвами; за симъ святитель, съ крестомъ въ рукахъ, произносилъ сугубую эктенію и, обращаясь на всѣ четыре страны, осѣнялъ крестомъ; потомъ освящалась вода, читались пареміи, апостолъ и Евангеліе новому лѣту. Евангеліе читалъ святитель, раздѣляя оное на нѣсколько статей; а протодіаконъ каждую статью, прочитанную святителемъ, повторялъ; по окончаніи послѣдней статьи Евангелія протодіакономъ, святитель умывалъ руки, погружалъ крестъ въ воду, отиралъ губкою святыя иконы, читалъ молитву, говорилъ отпустъ съ крестомъ и титлу о царскомъ многолѣтномъ здравіи, также и бояринъ говорилъ святителю титлу о царскомъ многолѣтномъ здравіи. Въ заключеніе всего, святитель окроплялъ властей и народъ святою водою. Послѣ сего, крестный ходъ, при пѣніи стиха новому лѣту, возвращался въ соборъ, гдѣ, по прочтеніи эктеніи, возглашаемъ былъ окончательный отпустъ молебна и отправлялась литургія по обычаю.

—

Въ великій четвертокъ страстной недѣли совершаемо было въ соборѣ: а) *маслоосвященіе;* этотъ обрядъ совершаемъ былъ подобно тому, какъ нынѣ совершается таинство елеосвященія надъ болящимъ. По совершеніи маслоосвященія, святитель повелѣвалъ властямъ помазывать себя масломъ постепенно; потомъ самъ помазывалъ властей и повелѣвалъ имъ помазывать священниковъ, діаконовъ и народъ; по помазаніи, святитель омывалъ масло теплою водою и отиралъ полотенцемъ; тоже самое совершали власти и народъ; б) *умовеніе святой трапезы* и возливаніе на оную укропа, т. е. теплой воды съ виномъ и масломъ, и родостагены, т. е. благоуханной воды; при умовеніи трапезы пѣли нѣкоторые изъ тѣхъ псалмовъ, которые обыкновенно поются при освященіи храма; и в) *умовеніе ногъ*, которое начиналось съ послѣдняго, сидящаго на лѣвой сторонѣ отъ царскихъ вратъ. Святитель, по умовеніи ноги у каждаго ученика и по отертіи лентіемъ, назнаменовалъ крестъ на ней десною рукою и цѣловалъ ее; а по цѣлованіи благословлялъ рукою каждаго по главѣ, а ученикъ цѣловалъ его въ шапку.

Это дѣйствіе совершаемо было среди церкви, какъ и нынѣ совершается оное.

Первые два обряда были совершаемы предъ литургіею, а послѣдній по заамвонной молитвѣ.

Въ великій пятокъ страстной недѣли совершаемо было *умовеніе св. иконъ и мощей.* Этотъ обрядъ начинался крестнымъ ходомъ изъ Софійскаго собора въ церковь Входоіерусалимскую за частицами святыхъ мощей, и оттуда съ частицами обратно возвращался въ соборъ; здѣсь, по прочтеніи часовъ и освященіи воды, святитель и власти омывали святою водою иконы, мощи святыхъ угодниковъ, почивающихъ въ соборѣ, и частицы святыхъ мощей. По совершеніи сего дѣйствія, частицы относились съ крестнымъ же ходомъ въ церковь Входоіерусалимскую.

По возвращеніи священно-служителей изъ Входоіерусалимской церкви въ соборъ, святитель, власти и священники выносили изъ хранилища гробъ Господень на главахъ, съ пѣніемъ стиха: „проси Іосифъ тѣло,“ и поставляли среди церкви, противъ царскихъ вратъ; потомъ отправляема была вечерня.

Въ субботу страстной недѣли на утрени, по пропѣтіи славословія, святитель, власти и священники, по взятіи плащаницъ съ престола съ сударями, выносили ихъ изъ алтаря сѣверными дверьми, мимо гроба Господня, въ церковь и обносили съ крестнымъ ходомъ около собора. По возвращеніи въ соборъ, судари вносили въ алтарь, плащаницы полагали на гробъ Господень — сперва меньшія двѣ, потомъ среднюю и наконецъ большую на верхъ, а Евангеліе на аналогій; пѣли стихири на цѣлованіе плащаницы, читали паремію, апостолъ и Евангеліе, и доканчивали утреню.

—

Новгородъ въ благоденственную свою пору былъ городъ вольный, промышленный. Дѣятельный его народъ велъ обширную торговлю въ разныхъ мѣстахъ — они возили свои товары не только въ Ливонію, но въ Германію и имѣли сношенія съ западной Европой. Зимою, какъ самое удобное время для путешествія при тогдашнемъ состояніи дорогъ, можно было встрѣтить на главныхъ ихъ пунктахъ обозы съ товарами до 800 и до 1000 саней. Лѣтомъ сообщеніе хотя и производилось по рѣкамъ и озерамъ, но представляло затрудненія отъ мелководья и незнанія устройства прочныхъ судовъ; при томъ, не рѣдко подвергались грабежамъ прибрежныхъ жителей. При неусыпномъ трудолюбіи новгородцевъ, городъ расширялъ свои владѣнія, богатѣлъ и украшался храмами со стѣнною живописью; въ нѣкоторыхъ церквахъ она сохраняется и до сихъ поръ какъ памятники древняго искусства. Въ XV вѣкѣ, уже жили въ Новгородѣ многіе иностранные мастера и художники; изъ русскихъ въ то время былъ извѣстенъ хутынскій монахъ Андрей Рублевъ. Новгородъ славился также рѣщиками и живописцами собственно русскими. Но цвѣтущая его торговля стала упадать при Иванѣ III, хотя она и возобновилась при Василіѣ III, но далеко была уже не такъ обширна. Потомъ, кровавое нашествіе на него Ивана Грознаго и смутное время одно за другимъ подрывали силу и благосостояніе Новгорода, къ которому никогда уже болѣе онъ не возвращался. Лѣтописцы разсказываютъ, будто паденіе Новгорода предвѣщалось разными знаменіями и чудесами:—буря сломала крестъ на главѣ собора Св. Софіи, колокола звонили сами собою въ хутынскомъ монастырѣ, слезы текли изъ очей отъ иконы Богородицы.

Главное управленіе Новгородскою областью находилось въ рукахъ народной общины, т. е. народнаго собранія „вѣча“; оно сзывалось на дворъ Ярослава или Софійскую площадь, звономъ колокола нарочно для того устроеннаго, который и назывался „вѣчевымъ“. На вѣчѣ сходились всѣ граждане города, рѣшали на немъ важныя дѣла — опредѣляли миръ или войну, судили преступленія. Большинство голосовъ должно было опредѣлять; случалось, что меньшинство не соглашалось, под-

нималась ссора, наконецъ драка до того шумная, что если епископъ съ духовенствомъ не успѣлъ вовремя усовѣстить враждующихъ, то надо было употребить силу. Первые епископы новгородскіе назначались кіевскими митрополитами изъ Кіево-печерскихъ монаховъ. Впослѣдствіи, новгородцы стали сами избирать епископовъ на свою софійскую каѳедру. Такъ какъ старшинство не имѣло права на избраніе, то оно производилось по усмотрѣнію народнаго собранія большинствомъ голосовъ, или жребіемъ. Вѣче назначало обыкновенно трехъ кандидатовъ. Имена ихъ записывались на особыхъ лоскуткахъ бумаги, ихъ клали на трапезу въ софійскомъ соборѣ; чрезъ три дня посылали туда мальчика восьмилѣтняго, или слѣпца; онъ бралъ два жребія, а чей остовался на трапезѣ, тотъ считался избраннымъ Св. Софіею и становился епископомъ. Не рѣдко жребій выпадалъ простому монаху, или приходскому священнику. Даже епископъ Ѳеофилъ былъ избранъ изъ дьяконовъ. Но избраніе святителей по гласу и любви народа не упрочивало на долго ихъ правленіе церквію и не рѣдко народъ, будучи не доволенъ чѣмъ нибудь выборомъ своимъ, самъ же и изгонялъ ихъ. Такъ сохранился въ преданіи слѣдующій случай — въ 1212 году по избранію вѣча, поступилъ къ нимъ епископъ Митрофанъ, но въ недолгое время своего занятія каѳедры, онъ не понравился чѣмъ-то народу и народъ, собравъ снова вѣче, избралъ Антонія, а его изгналъ; вскорѣ новгородцы передумали и снова призвали Митрофана. Но Антоній не желалъ уступить мѣсто, и народъ въ недоумѣніи не зналъ какъ поступить съ двумя епископами и отправили обоихъ въ Кіевъ на судъ къ митрополиту. Судъ рѣшилъ въ пользу Митрофана и новгородцы съ радостью его встрѣтили. Не много прошло времени, избрали они епископа Арсенія, — случились проливные, безпрерывные дожди, наводнившіе поля, погубили весь хлѣбъ. Новгородцы приписали это небесному гнѣву и виновникомъ сочли Арсенія, который показался имъ по чему-то недоброжелательнымъ и коварнымъ. Собрали вѣче. Народъ шумѣлъ, волновался, требовалъ изгнанія недостойнаго пастыря, наконецъ устремился въ архіерейскіе покои, вытащилъ на Софійскую площадь Арсенія и едва не умертвилъ; его защитилъ собою одинъ изъ прислужниковъ его, который при этомъ и былъ убитъ, а Арсеній укрылся въ хутынской монастырь, и въ непродолжительномъ времени, по минованіи дождей, снова былъ избранъ успокоившимся народомъ.

Такіе порядки велись до Ивана Грознаго, съ тѣхъ поръ стали присылать епископовъ въ Новгородъ изъ Москвы.

Княжеская власть не подлежала избранію вѣча, но въ иныхъ случаяхъ должна была ему уступать и вольнолюбивые, безпокойные новгородцы, будучи недовольны по одному лишь иногда подозрѣнію княземъ, указывали ему путь изъ Новгорода.

Е. Б.

ФИЗИКА ВЕЗДѢ.

(*Окончаніе*).

ережа! сказала Маша на другой день брату, думаешь ли ты когда нибудь о чемъ нибудь.

— Да, часто думаю, а ты?

— И я тоже, очень часто.

— А о чемъ ты думаешь?

— Я думаю иногда, что будетъ, когда мы

будемъ большіе, и отчего большіе разнятся отъ насъ? Не правда ли, вѣдь, если бы я въ эту минуту сдѣлался бы вдругъ большаго роста, вѣдь все же была бы разница между мной и другими большими?

— Была бы, непремѣнно; знаешь, ты былъ бы большой мальчикъ.

Сережа расхохотался; онъ не понималъ.

— Да, ты не смѣйся; это право такъ, только мнѣ кажется я не умѣю объяснить. Вѣдь ты самъ говоришь, что большіе совсѣмъ не то, что мы?

— Ну да, да отчего они не такіе же?

— Вотъ въ томъ-то и штука. Вѣдь не оттого же, что они больше ростомъ, и между ними есть маленькіе. Взрослые совсѣмъ иначе все дѣлаютъ, и не такъ говорятъ, и не такъ ходятъ, все не такъ, какъ мы. Ты посмотри, они все всегда сами дѣлаютъ, и имъ все удается, а я, за что ни возьмусь, все испорчу.

— Ну да ты... на тоже ты и ты.

— Вотъ то-то и есть, отчего я — я.

— Знаешь, Маша, сказалъ Сережа подумавъ, если мы такъ будемъ все спрашивать отчего да зачѣмъ, у насъ умъ за разумъ зайдетъ.

— А какъ это онъ зайдетъ! спрашивала опять Маша:—такъ какъ мы съ тобой ходимъ, или онъ просто передвинется. А я бы хотѣла знать что у насъ въ головѣ, и что тамъ дѣлается, и какъ это мы думаемъ. Ахъ, если можно было бы разрѣзать голову, посмотрѣть въ нее, видѣть какъ мысли проходятъ, и опять закрыть. Знаешь, Сережа, мнѣ кажется, что мысли въ головѣ проходятъ такъ, какъ облака по небу. Одно пройдетъ, потомъ другое, потомъ еще, и еще; какъ ты думаешь?

— Да, я думаю, что такъ. А знаешь, мнѣ кажется, что я знаю отчего большіе все дѣлаютъ сами и имъ удается? сказалъ Сережа.

— Отчего?

— Оттого, что у нихъ больше силы, чѣмъ у насъ. Вотъ мамаша, напр., можетъ разливать чай, и во всѣ чашки нальетъ, и хорошо будетъ; а ты попробуй, ты уронишь чайникъ, разобьешь чашки, и...

— Нѣтъ, Сережа! живо заговорила Маша, я и чая не сдѣлаю и по чашкамъ не разолью, потому что не умѣю. Вотъ оно что. Я не съумѣю.

— Ну да, что же я говорилъ?

— Нѣтъ, ты не то говорилъ. Ты говорилъ, что у меня не хватитъ силы; силы у меня хватитъ, помнишь, я тотъ разъ въ лавкѣ подняла полпуда, а главное, я не съ умѣю ничего сдѣлать. Мнѣ кажется, что это и есть разница между большими и нами, что они все *умьютъ* дѣлать, а мы ничего.

— Какъ же не умѣемъ! Мы сами чай пьемъ, сами ѣдимъ, сами читаемъ и пишемъ, сами учимся.

— Ну да, это мы можемъ сами дѣлать, а больше ничего. Вотъ я могу сама стрѣлять изъ моего пистолета, а сдѣлать его я не могу, мнѣ бы даже ножа не позволили взять. А знаешь, мнѣ кажется, отчего намъ не позволяютъ трогать разныя вещи и самимъ что нибудь дѣлать?

— Оттого, что ненужно, отвѣчалъ Сережа.

— А отчего ненужно?

— Ой, Маша, опять ты съ твоими отчего и зачѣмъ, право это ужасно, сказалъ Сережа.

— Постой, я только послѣднее скажу: оттого запрещаютъ трогать, что мы ничего не умѣемъ дѣлать, все портимъ и себѣ еще больно сдѣлаемъ, напримѣръ — съ ножами.

— Ну, хорошо, что кончила. Ты все выдумываешь; запрещаютъ, оттого что запрещаютъ; всѣмъ дѣтямъ запрещаютъ трогать разныя вещи и велятъ сидѣть смирно или учиться. Вотъ и Митя, и Надя тоже разсказываютъ.

— Ахъ, скоро ли Митя пріѣдетъ. Вотъ я у него спрошу, сказала Маша.

— Вотъ выдумала, есть что спрашивать! Когда они пріѣдутъ, мы будемъ лучше играть какъ нибудь, я новый театръ мой покажу.

— А я все-таки спрошу у Мити, что хочу, сказала Маша.

— Какая ты, Маша, несносная, сказалъ Сережа сердито, ты всегда мѣшаешь. Ну, развѣ не лучше играть всѣмъ вмѣстѣ, чѣмъ разныя глупости спрашивать у Мити? И отчего ты не спросишь у Нади, а все возишься съ Митей.

— Надя будетъ смѣяться надо мной, а онъ не будетъ, сказала Маша.

— Не будетъ? и какъ еще будетъ, вотъ посмотри. Еще лучше Нади будетъ, увѣрялъ Сережа.

— Отчего ты думаешь?

— Да ужь я знаю, лукаво сказалъ Сережа.

— Ну, такъ я не буду спрашивать, подумала Маша и вздохнула; я подожду пока буду большая.

— А тебѣ досадно, что Митя будетъ надъ тобой смѣяться, даже вздыхаешь, а? дразнилъ ее Сережа; — навѣрное ужь и теперь смѣется. Ты думаешь, я не знаю? я все знаю, говорилъ Сережа.

— Какъ ты надоѣлъ, Сережа, какой ты несносный! съ сердцемъ сказала Маша и ушла.

— Ага! разсердилась, какая злая дѣвочка! кричалъ ей Сережа вслѣдъ.

— Коля, ты обѣщалъ разсказать намъ о парахъ, сказали дѣти Колѣ, когда они всѣ снова собрались въ дѣтскую.

— Разскажу. Что же, вы хотите знать, какъ ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ? спросилъ Коля.

— Да, разскажи объ этомъ, сказала Маша,

— Вы легко можете себѣ представить, что, чтобы ѣхать, нужно, чтобы что нибудь везло насъ. Когда замѣтили силу пара, то сейчасъ подумали, какъ бы употребить его въ пользу. Вѣдь, если у васъ что нибудь есть, вы сейчасъ хотите этимъ пользоваться? спросилъ Коля.

— Конечно, сейчасъ нужно употребить, отвѣчала Маша.

— Ну, такъ и съ паромъ. Хотѣли заставить его дѣйствовать. Для этого надо его сжать, чтобы онъ стремился выйдти вонъ или расшириться, тогда можно его заставить толкать что нибудь. Это будетъ приводить въ движеніе колеса и мы поѣдемъ. Ясно?

— Да, отвѣчали дѣти. А какъ это устроено?

— Устроенъ большой котелъ, въ которомъ кипятятъ воду; вода при кипѣніи образуетъ пары; эти пары стремятся выйдти изъ котла, и черезъ сдѣланную трубу, выходятъ въ помпу, гдѣ приводятъ въ движеніе механизмъ машины. Тутъ находится рычагъ, поршень, стержень, которые толкаютъ другъ друга, и дважды изогнутая ось, которая движетъ колеса. Объяснить вамъ механизмъ нельзя, онъ очень сложенъ; но вы понимаете, что сила пара приводитъ въ движеніе колеса и тащитъ весь поѣздъ. Тутъ Коля взялъ Сережину телѣжку и сталъ толкать ее передъ собой.

— Видите, сказалъ онъ, мои руки — рычаги; основаніе, на которомъ они лежатъ, мои плечи; рычаги приводятъ въ движеніе линейку, которую я упираю въ телѣжку, это поршень, который движется взадъ и впередъ, а поршень движетъ стержень, къ которому прикрѣплена дважды изогнутая ось, а къ ней колеса. Все движется здѣсь оттого, что я толкаю это, а въ машинахъ — отъ силы пара.

— Что такое рычагъ? спросилъ Сережа.

— Это палка, мѣдная, желѣзная или деревянная, которая очень намъ полезна, оттого что помогаетъ двигать или поднимать тяжести безъ большаго усилія; рычагъ въ въ срединѣ опирается на какое нибудь основаніе, на конецъ дѣйствуетъ человѣкъ, а на другомъ лежитъ тяжесть. Вотъ посмотрите. Я подкладываю линейку подъ книгу, опираю ее на этотъ ящикъ, а другой конецъ беру въ руку и толкаю его внизъ, тотъ конецъ поднимается и поднимаетъ книгу. Тутъ это игра, но если тяжесть большая, можете

себѣ представить, какъ рычагъ помогаетъ мнѣ.

— А рычаги много употребляются? спросилъ Сережа.

— Очень много, почти вездѣ есть рычагъ, прямой ли или изогнутый, но есть.

— А пароходы? спросила Маша.

— Тоже такой же механизмъ, измѣненіе небольшое.

Дѣтей позвали пить чай и они ушли.

то это Коля долго не идетъ? сказала Маша.

— А что тебѣ надо? спросилъ Сережа.

— Да ничего особеннаго, такъ поболтать съ нимъ, можетъ быть, онъ что нибудь интересное разскажетъ.

— Надо спросить у него, отчего когда мы открыли кранъ въ бочкѣ, вода не потекла, хотя бочка была полна воды, сказалъ Сережа.

— Мнѣ кажется, что мы просто не съумѣли справиться, отвѣтила Маша.

— Опять ты съ твоимъ неумѣньемъ. Вотъ заладила одно, да и твердитъ. Чего тутъ не умѣть? Открыли кранъ, какъ всѣ люди открываютъ, сказалъ сердито Сережа.

— А когда Григорій пришелъ, онъ съумѣлъ заставить воду течь, замѣтила Маша.

— Ну да! Григорій тамъ какъ-то иначе повернулъ, можетъ быть, кранъ, вотъ и все.

— А все же ему удалось, а мы не съумѣли.

— Ну, хорошо, хорошо, тебя не переспоришь, говорилъ Сережа.

— Онъ поднялъ крышку въ бочкѣ, больше онъ ничего не сдѣлалъ, это я видѣла, сказала Маша.

— Ну вотъ, сама говоришь, — чѣмъ онъ съумѣлъ лучше насъ? сказалъ Сережа.

— А все же мы ничего не сдѣлали.

— Какъ я радъ, Коля, что ты пришелъ! сказалъ Сережа.

— А что?

— Да Маша совсѣмъ одолѣла меня. Все только и знаетъ что спрашивать отчего, да зачѣмъ, да почему то, да другое, да третье. Все хочется знать, должно быть.

— Это не хорошо, Маша, сказалъ Коля.

— А отчего? спросила Маша.

— Опять отчего! воскликнулъ Сережа.

— Оттого, что все будешь знать, скоро состарѣешься, сказалъ Коля.

— Ну вотъ выдумки, сказала Маша. Этого быть не можетъ.

— И очень можетъ, сказалъ Коля, вотъ увидишь, какъ ты рано состарѣешься.

— Ну, что-жъ, скоро проживу, и не буду жалѣть. Право, я и теперь бы хотѣла умереть.

— Ну, зарапортовалась, сказалъ Сережа, она сегодня дуется и все говоритъ глупости.

— Отчего? спросилъ Коля.

— Кто ее знаетъ. Вѣрно урока не выучила или нашалила какъ нибудь, ну, и боится за свои уши или волосы. И Сережа засмѣялся. Коля также. Маша ушла и опять расхныкалась.

— Ну вотъ, сказалъ Сережа. А скажи мнѣ, Коля, отчего это, когда мы открыли кранъ у бочки полной воды, изъ нея ничего не вытекло?

— Она была совсѣмъ полная? спросилъ Коля.

— Да, совсѣмъ, совсѣмъ; изъ-подъ крышки даже видно было немного воды.

— Ну, такъ оттого и не текла вода, что бочка была слишкомъ полна, сказалъ Коля.

— Какъ же это?

— Чтобы вода изъ бочки потекла внизъ, нужно было бы, чтобы воздухъ давилъ ее сверху...

— Развѣ воздухъ можетъ давить? спросилъ Сережа, вѣдь онъ легкій, въ немъ нѣтъ вѣсу.

— Нѣтъ, есть вѣсъ, и давленіе его велико. А такъ какъ въ этой бочкѣ воды было до

*

самаго верху, то воздуху между крышкой и водой не было, и онъ не давилъ воду, которая и оставалась въ томъ же положеніи. Если бы въ это время крышку подняли бы...

— Ахъ, да, теперь я понимаю! вскричалъ Сережа. Вотъ Григорій подошелъ къ намъ, увидалъ, что мы не можемъ справиться, и поднялъ крышку, тогда вода и потекла. Ну вотъ, воздухъ значитъ могъ давить на нее, потому что не было болѣе крышки.

— Молодецъ, Сережа! сказалъ Коля, сейчасъ догадался; да вѣдь это и легко понять: если знаешь, что необходимо давленіе воздуха, такъ надо снять крышку.

— А давленіе воздуха сильно? спросилъ Сережа.

— Сильно, отвѣчалъ Коля. Если взять какой нибудь ящикъ, или кувшинъ, или что нибудь, однимъ словомъ, что пусто въ срединѣ, и вытянуть оттуда воздухъ, и потомъ герметически закрыть, то окружающій воздухъ такъ сильно будетъ давить на стѣнки ящика или сосуда, что вдавитъ ихъ.

— Отчего же такъ не вдавитъ?

— Оттого, что воздухъ, находящійся внутри, съ своей стороны давитъ на стѣнки, и противодѣйствуетъ наружному.

— Какое слово ты сказалъ? Я не понялъ,— спросилъ Сережа.

— Вѣрно: герметически? сказалъ Коля.

— Да.

— Герметически, значитъ закрыть такъ плотно, чтобы воздухъ не могъ проникнуть ни съ одной стороны, ни въ какую щелочку, никакъ, никакъ.

— Я и не думалъ, что воздухъ тяжелъ, сказалъ Сережа.

— Какъ же! на давленіи воздуха основанъ инструментъ, называемый барометромъ, знаешь, что предсказываетъ погоду.

— Да, виситъ у папаши въ кабинетѣ. А какъ онъ устроенъ? спросилъ Сережа.

— Берутъ стеклянную трубку, въ 30 дюймовъ длины, одинъ конецъ ея загнутъ и на немъ находится открытая чашечка; въ трубку наливаютъ ртути, и потомъ прикрѣпляютъ ее къ доскѣ, на которой намѣчено: буря, дождь, ясно, сухо, и т. д. Такъ какъ чашечка со ртутью открыта, то воздухъ давитъ на ртуть, и, разумѣется, чѣмъ менѣе воздухъ давитъ на ртуть, тѣмъ она ниже; чѣмъ болѣе онъ давитъ, тѣмъ болѣе она поднимается. При этомъ совершается явленіе повидимому противное здравому смыслу, а именно, если въ воздухѣ есть пары, то есть, когда погода сырая, то онъ менѣе давитъ на ртуть; это происходитъ оттого, что пары легче воздуха, и если они поднимаются, то очищаютъ его и облегчаютъ. Когда воздухъ сухъ, то онъ плотный, и болѣе давитъ на ртуть, оттого на доскѣ *сухо*—помѣщено выше.

— А термометръ также устроенъ? спросилъ Сережа.

— Нѣтъ, термометръ основанъ на расширеніи тѣлъ отъ тепла и сжиманіи при холодѣ. Когда тепло, то ртуть расширяется; отъ этого, градусы тепла помѣщены выше градусовъ холода; когда холодно, то ртуть сжимается и опускается. Чтобы узнать большую степень тепла, термометръ опускаютъ въ кипящую воду, и ставятъ 80°, а чтобы знать, когда вода замерзаетъ, опускаютъ термометръ въ рубленый ледъ или тающій снѣгъ и ставятъ °. Тогда знаютъ градусъ кипѣнія и градусъ замерзанія воды, и пространство между этими точками дѣлятъ на 80° по Реомюру, на 100 по Цельзію и 160 по Фаренгейту, какъ хотятъ. Общепринято Реомюрово дѣленіе, на 80°.

— Такъ воздухъ вездѣ есть и на все давитъ? спросилъ Сережа.

— Да, ты напр. на своемъ тѣлѣ носишь 30,000 фунтовъ воздуху, а чѣмъ люди больше и толще, тѣмъ болѣе на нихъ воздуху.

— Ой, ой, ой! говорилъ Сережа смѣясь, а отчего же наружный воздухъ не продавливаетъ моего тѣла?

— Оттого, что внутри тебя есть воздухъ, въ крови, въ жилахъ, въ твоемъ мясѣ, во

всемъ есть воздухъ, и онъ-то и противодѣйствуетъ вліянію наружнаго.

— Такъ они оба давятъ меня, спросилъ Сережа, одинъ изнутри, другой снаружи, какъ же это я еще остаюсь цѣлъ!

Коля засмѣялся.

— Ты вчера разсказывалъ намъ о парахъ и паровыхъ машинахъ, сказалъ Сережа, и на фабрикахъ эти машины такія же?

— Въ машинахъ разница есть, потому что всякая должна иначе дѣйствовать, одна тащитъ вагоны, другая движетъ пароходъ, третья работаетъ въ типографіи, четвертая помогаетъ дѣлать бумагу, но начало во всѣхъ одно и тоже. Вода при кипѣніи обращается въ пары, пары стремятся выйдти изъ котла, и сила ихъ приводитъ въ движеніе поршень; теперь, смотря по тому, что придѣлано къ поршню и рычагамъ, то машина и дѣлаетъ.

— Ну да, это я понимаю. А я слышалъ, что недавно говорили, будто въ машинахъ, вмѣсто пара, будутъ употреблять сжатый воздухъ. Какъ же это будетъ? спросилъ Сережа недовѣрчиво.

— Лучше всего тебѣ это объяснитъ Машинъ пистолетъ, сказалъ Коля. Я вамъ объяснялъ, что въ немъ дѣйствуетъ сжатый воздухъ; ну, представь себѣ теперь, что вмѣсто маленькой трубочки гусинаго пера, будетъ большой ящикъ съ воздухомъ. Если его сжать, то у него будетъ много силы, и онъ будетъ въ состояніи привести въ дѣйствіе такой же поршень, съ тѣми же рычагами, какъ мы видимъ въ паровыхъ машинахъ. Чтобы накачивать воздухъ въ ящикъ, устроятъ помпу или насосъ, и будетъ гораздо меньше расхода, нежели съ паровыми машинами, и меньше людей, и меньше труда.

— Отчего же? спросилъ Сережа.

— Паровую машину нужно топить, грѣть воду, слѣдовательно надо людей, чтобы присматривать за этимъ, нужно нѣсколько машинистовъ и кочегаровъ, а въ машинѣ, гдѣ будетъ дѣйствовать сжатый воздухъ, нужно только присмотрѣть за помпой, да за ходомъ машины. Видишь, на половину меньше людей, а главное — нѣтъ расхода на топливо.

— Отчего же всѣ не употребляютъ сжатый воздухъ? спросилъ Сережа.

— Не знаю; вѣроятно, машины еще не довольно хорошо придуманы; паровыя же такъ хороши теперь, что можетъ быть удобнѣе пока придерживаться старому способу, да и люди не умѣли бы обращаться, съ непривычки, съ другими машинами. Впрочемъ, я думаю, всего вѣрнѣе то, что еще нѣтъ хорошихъ машинъ для этого; такъ какъ вездѣ употребляютъ паровыя, то инженеры и не строятъ другихъ.

— Вотъ насъ и зовутъ, какъ жаль! сказалъ Сережа. Ты разскажешь мнѣ что нибудь другой разъ?

— Хорошо, я разскажу о водѣ и ея силѣ.

— Ахъ, это будетъ очень интересно! сказалъ Сережа. А жаль, что Маша дулась, она не слыхала о барометрѣ и термометрѣ.

— А ты ей разскажи.

ы сегодня разскажешь намъ о водѣ? спросилъ Сережа Колю.

— Разскажу; а тебѣ очень хочется знать?

— Да; я слышалъ разъ, какъ кто-то говорилъ объ удѣльномъ вѣсѣ чего-то, и я понялъ, что говорили о водѣ.

— Такъ, да не такъ, сказалъ Коля. Удѣльнымъ вѣсомъ какого нибудь тѣла называется вѣсъ того количества воды, которое это тѣло вытѣсняетъ.

— Что это, я что-то не хорошо понимаю, сказала Маша.

Коля взялъ стаканъ и налилъ его водою до краевъ, потомъ онъ взялъ крышку отъ чернильницы и опустилъ ее въ стаканъ. Немного воды потекло черезъ край и осталось на блюдечкѣ.

— Видите, что эта вода не имѣла больше мѣста въ стаканѣ, когда я опустилъ крышку туда? Ее вытѣснила крышка.

— Понимаю.

— Такъ значитъ, если вы свѣсите эту воду, то узнаете удѣльный вѣсъ крышки.

— Ахъ да; ну, а сколько можетъ она вѣсить? спросила Маша.

— Да, можетъ быть, золотникъ, или немного больше. Свойство жидкостей такое, что тѣло, погруженное въ воду, теряетъ изъ своего вѣсу столько, сколько вѣситъ вытѣсненная имъ вода. А чѣмъ больше тѣло въ объемѣ, тѣмъ болѣе оно вытѣсняетъ воды.

— Отчего же корабли не идутъ ко дну, когда на нихъ столько тяжести? спросилъ Коля.

— Оттого, что если корабль вытѣсняетъ напр. 1,000 пудовъ, то есть, если вытѣсненная вода вѣситъ 1,000 пуд., то въ немъ убавится вѣсу на столько же, и онъ сдѣлается легче. Къ тому же корабли такъ построены, что могутъ держаться на водѣ и носить тяжести, если только онѣ хорошо распредѣлены, т. е. такъ, что корабль не потеряетъ равновѣсія или устойчивости, что было напр. съ тѣмъ кораблемъ въ Плимутѣ, о которомъ дядя разсказывалъ вамъ.

— Да, да, который перевернулся и пошелъ ко дну носомъ, сказала Маша.

— Это отъ неравномѣрнаго распредѣленія тяжести, сказалъ Сережа съ разстановкой.

— Такъ, такъ, сказалъ Коля, у тебя хорошая память. Жидкости имѣютъ еще одно свойство, — это давленіе сверху, снизу и съ боковъ.

— Какъ это? спросила Маша.

— Напримѣръ, когда опустить въ воду что нибудь тяжелое, камень, напримѣръ, замѣтили ли вы, что чѣмъ ближе ко дну, тѣмъ онъ идетъ скорѣе? спросилъ Коля.

— Да ты, Сережа, конечно, помнишь, я лѣтомъ тебѣ показывала, вскричала Маша.

— Ахъ да, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Сережа.

— Ну, такъ это объясняется давленіемъ воды сверху внизъ. А видѣли ли вы, что когда опустишь въ воду дощечку, то она быстро поднимется на поверхность; даже если ее положить на самое дно, то только что перестать придерживать ее, она всплыветъ.

— Да, да, я это пробовала, сказала Маша.

— Это доказываетъ давленіе воды снизу вверхъ.

— А давленіе съ боковъ? спросила Маша.

— Чтобы вѣрнѣе понять это, вспомните какъ я сдѣлалъ этотъ опытъ съ товарищемъ, у насъ на дачѣ, лѣтомъ, сказалъ Коля.

— Ты что-то возился съ боченкомъ и буравчикомъ, сказалъ Сережа.

— Да, мы взяли боченокъ, наполнили его водой, потомъ крѣпко закрыли и поставили на доску, которая была около плота на прудѣ, сказалъ Коля.

— Потомъ вы пробуравили дырочку въ боченкѣ, изъ него вода потекла и доска съ боченкомъ поѣхала, сказала Маша; я помню, ну и что-жъ?

— Постой, постой, сказалъ Коля, я дырочку пробуравилъ въ лѣвой сторонѣ боченка, а доска начала подвигаться вправо. Это отчего?

— Да что-жъ ты меня спрашиваешь? ты же самъ вѣдь хотѣлъ объяснить, сказала Маша.

— А ты не мѣшай! сказалъ Сережа.

— Тутъ давленіе воды въ боченкѣ могло дѣйствовать только на сторону противуположную той, изъ которой вытекла вода; оттого доска и стала двигаться вправо.

— Ну, хорошо, положимъ, сказала Маша, а отчего...

— Нѣтъ, ты ничего не клади, а слушай,

сказалъ Сережа; если же ты не вѣришь, такъ лѣтомъ можешь сама увѣриться и попробовать тоже самое.

Коля засмѣялся.

— Маша будетъ намъ опыты дѣлать, а мы будемъ смотрѣть, сказалъ онъ.

— А имѣетъ ли вода силу? спросила Маша.

— Да, я тоже хотѣлъ это спросить, сказалъ Сережа, вѣдь если паръ имѣетъ силу, такъ и вода вѣрно тоже?

— Какую же силу имѣетъ паръ? спросила Маша.

— Какую? передразнилъ ее Сережа, очень маленькую; онъ можетъ двигать отъ двухъ до трехъ фунтовъ, и то при помощи человѣка.

— Не слушай его, сказалъ Коля, это глупости, паръ имѣетъ большую силу, если съумѣть съ нимъ справиться. Отчего ты не слушала, какъ я разсказывалъ это Сережѣ? Ты бы знала теперь.

Сережа хохоталъ во все горло. Маша надулась.

— Вы вѣрно знаете, что такое водяныя мельницы, продолжалъ Коля; вотъ въ нихъ видна сила воды. Воду стѣсняютъ, оставляя ей только одинъ выходъ; она стремится туда съ силою, и падая на мельничное колесо, заставляетъ его вертѣться; колесо движетъ жернова, а они мелятъ муку.

— А какъ вода замерзаетъ? спросила Маша.

— Отъ холода она сжимается до того, что превращается въ твердое тѣло.

— Вода странное тѣло, замѣтилъ Сережа, она бываетъ и твердое тѣло, ледъ, и жидкое, и летучее, паръ.

— Да, сказалъ Коля, многія тѣла имѣютъ два или три вида.

— Отчего же замерзаетъ не вся вода, спросила Маша, слой льда только сверху.

— Подумай, чтобы было, если бы вся вода замерзла, сказалъ Коля. Всѣ рыбы умерли ли бы, намъ бы нечего было пить, и какъ долго таялъ бы этотъ ледъ, если такой слой, какой теперь лежитъ на Невѣ, таетъ иногда съ половины марта до конца апрѣля. Цѣлаго лѣта не хватило бы, чтобы такая огромная, сплошная масса льда растаяла. Отъ этого, природа такъ устроила, что до трехъ градусовъ мороза, вода сжимается, а выше 3° опять расширяется. Вотъ и дѣлается, что вода до 3-хъ° сжимается и образуетъ на поверхности тонкій слой льду; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣки, глыбы льда примерзаютъ одна къ другой; подъ этимъ льдомъ вода опять расширяется, и далѣе не замерзаетъ. Только замерзшая часть ея крѣпнетъ отъ морозу, оттого ледъ бываетъ такой толстый.

— А рыбы дышатъ? спросила Маша.

— Да, отвѣчалъ Коля, онѣ своими жабрами втягиваютъ воздухъ, который находится между частями воды.

— Морская вода, я слышалъ, больше поддерживаетъ нежели рѣчная, сказалъ Сережа, правда это?

— Да, это правда, отвѣчалъ Коля, на ней можетъ плавать яйцо, а на рѣчной водѣ не можетъ.

Маша въ это время бросила въ стаканъ съ водой стоявшій на столѣ, двѣ скорлупки орѣха; онѣ покружились, и пристали сначала одна къ другой, а послѣ къ стѣнкамъ стакана.

— Посмотри, Коля, сказала она, отчего это?

— Это объясняется притягательною силою тѣлъ. Всякое тѣло имѣетъ свойство притягивать; вотъ эти двѣ скорлупки и пристали сначала другъ къ другу, а послѣ къ стакану. Вѣдь чѣмъ держатся тѣла? притяженіемъ или сцѣпленіемъ атомовъ между собой; есть очень интересныя доказательства сродства тѣлъ; напр. на зеркальныхъ фабрикахъ кладутъ иногда два неотдѣланныхъ зеркала, т. е. безъ рамъ, одно на другое; обѣ гладко отполированныя поверхности такъ пристаютъ одна къ другой, т. е. частицы ихъ такъ сцѣпляются, что ихъ нельзя снять одно съ другаго; надо разбить которое нибудь.

— Неужели, ахъ какъ жаль! вскричали дѣти.

— Если вы ломаете что нибудь, продолжалъ Коля, то нарушаете сцѣпленіе частицъ, котораго послѣ уже нельзя возстановить; пространство между раздѣленными атомами надо тогда наполнить клеемъ, чтобы они снова держались вмѣстѣ.

— А жидкости? есть между ними сродство? спросила Маша.

— Есть, но только между такими, вѣсъ которыхъ одинаковъ. Напр. масло легче воды, и ихъ никакъ нельзя соединить, масло всегда всплыветъ на верхъ.

— Я это видѣла въ лампадкѣ, сказала Маша.

— Вино можно соединить съ водой, сказалъ Сережа.

— А густой сиропъ, нельзя, сказалъ Коля, онъ остается на днѣ, и только если помѣшать ложечкой въ стаканѣ, то онъ ровно разойдется по водѣ, но если оставить его такъ, то онъ опять опустится.

— Да, отстоится, сказала Маша..

Колю позвали и онъ ушелъ.

Дѣти сначала молчали, потомъ Маша спросила:

— Чтобы намъ спросить у Коли въ слѣдующій разъ?

— О парѣ, дразнилъ ее Сережа.

— Какой ты несносный, Сережа, сказала Маша, присталъ со своимъ паромъ. Ты лучше разскажи мнѣ, что Коля говорилъ.

— Скажите, пожалуйста, сказалъ Сережа, ты будешь злиться и прятаться, а я послѣ долженъ тебѣ разсказывать! Это отчего?

— Вовсе не долженъ; но отчего же ты этого не сдѣлаешь?

— А потому, что не хочу. Вотъ еще какія претензіи! говорилъ Сережа.

— А я знаю что спрошу, сказала Маша.

— А что? спросилъ Сережа.

— Не скажу.

— Какая ты глупая дѣвочка, сказалъ Сережа, — ну, отчего ты не скажешь?

— Какой ты глупый мальчикъ, сказала Маша, отчего ты не можешь, или, что хуже, не хочешь?

— О, да у васъ тутъ крупный разговоръ кажется; не стыдно ли вамъ, сказалъ Коля вбѣгая. — Перестаньте ссориться, васъ мамаша зоветъ, идите скорѣй.

ой учитель не пришелъ сегодня, сказалъ Коля входя въ дѣтскую.

— Вѣрно боленъ, сказалъ Сережа.

— Да, должно быть. У него все глаза болятъ. Онъ и синіе очки носитъ отъ этого.

— А какая польза отъ синихъ очковъ? спросила Маша.

— Они исключаютъ слишкомъ яркіе цвѣта, напр. красный и желтый, и пріятны для глазъ, потому что синій и зеленый цвѣта самые мягкіе и полезные для зрѣнія. Отъ этого у кого глаза болятъ, тотъ носитъ синіе очки, или читаетъ при лампѣ съ зеленымъ колпакомъ. Знаете вы, что всякій лучъ свѣта состоитъ изъ семи первоначальныхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ составлены всѣ другія краски?

— Изъ какихъ же? спросила Маша.

— Изъ краснаго, желтаго, оранжеваго, синяго, голубаго, зеленаго и фіолетоваго. У нихъ есть какой то свой порядокъ, но я не помню его.

— А черный, спросилъ Сережа.

— Черный, это отсутствіе всѣхъ цвѣтовъ, сказалъ Коля смѣясь.

— А какъ же это узнали, спросила Маша, что сдѣлали?

— Надо было поймать одинъ только лучъ

свѣта; для этого, закрыли ставни, и оставили въ одномъ изъ нихъ крошечную дырочку, куда прошелъ ровно одинъ лучъ свѣта. На столѣ поставили рамку, обтянутую бѣлой бумагой, а передъ ней стеклянную призму. Знаете ли вы, что такое призма? спросилъ Коля.

— Это такія хрустальныя висюльки, какъ у нашей люстры въ залѣ? сказала Маша.

— Да, отвѣчалъ Коля, онѣ имѣютъ три стороны только, основаніе и двѣ стороны съ боковъ, которыя кверху съуживаются, какъ крышки гробовъ, трехъугольникомъ. Такъ черезъ такую-то призму и пропустили этотъ лучъ свѣта; граненыя поверхности имѣютъ свойство преломлять солнечные лучи, да и всякіе другіе.

— Что значитъ преломлять? спросилъ Сережа.

— Значитъ заставить принять другое направленіе или раздѣлиться, переломить; но это выраженіе означаетъ это, только когда говорятъ о лучахъ свѣта.—Ну, гдѣ же нашъ лучъ? Ахъ, да, онъ прошелъ сквозь призму и преломился, т. е. раздѣлился, и идя далѣе уже преломленный, дошелъ до рамки, на которой и обозначились цвѣта, изъ которыхъ онъ состоитъ, въ извѣстномъ порядкѣ.

— Ахъ, я знаю это! вскричала Маша. Когда бываетъ солнечный день, и лучи попадаютъ въ комнату, и на призмы люстры, такъ на стѣнѣ и на полу видны полоски красныя, желтыя, синія, зеленыя. Это и есть?

— Да.

— Я замѣтилъ это тоже въ одной домовой церкви, гдѣ люстра висѣла недалеко отъ окна, сказалъ Сережа.

— Вотъ изъ этихъ начальныхъ цвѣтовъ, самые пріятные синій и зеленый, и если глаза слабы, то, какъ я вамъ говорилъ, носятъ синіе очки или стараются, чтобы свѣтъ былъ зеленый; дѣлаютъ зеленыя шторы, зеленые абажуры, и т. д. Красный и желтый цвѣта раздражаютъ зрѣніе; вы вѣрно замѣтили, что если долго смотрѣть на красное или ярко желтое, то послѣ передъ глазами ходятъ зеленые круги?

— Да, это правда, сказалъ Сережа.

— Да, и если пристально всматриваться тоже, сказала Маша, припоминая какъ у ней даже въ темнотѣ въ глазахъ было красно и зелено отъ напряженія.

— Это происходитъ отъ напряженія и раздраженія глазъ; это бываетъ также, если смотрѣть на свѣтъ, на солнце, или на лампу, или на свѣчку.

— Отъ преломленія лучей солнца происходятъ различныя явленія, напр. миражъ въ пустынѣ; это отъ преломленія лучей солнца на граненыхъ сторонахъ песчинокъ; лучи измѣняютъ направленіе и представляютъ предметы въ другомъ видѣ; а такъ какъ воздухъ тамъ необыкновенно прозраченъ, то предметы видны на очень большомъ разстояніи, напр. корабль, идущій по морю въ отдаленіи, иногда верстъ за 100, 200, 300, видѣнъ въ пустынѣ идущимъ по воздуху, и притомъ мачтами внизъ; измѣненіе формы предмета или его вида, происходитъ отъ измѣненія направленія лучей.

— А отчего мамашины брилліантовыя серьги и вечеромъ блестятъ краснымъ, зеленымъ и синимъ цвѣтами? спросила Маша.

— Потому что брилліанты гранены, и лучи преломляются въ нихъ, сказалъ Коля.

— Ты все говоришь лучи свѣта, замѣтила Маша, развѣ есть лучи еще чего нибудь?

— Да, конечно, отвѣчалъ Коля, лучи теплорода. Развѣ ты сама этаго не замѣчала, когда стоишь напр. передъ печкой, но не очень близко, такъ что можно проходить между тобой и печкой. Если никого кромѣ тебя нѣтъ передъ печкой—тебѣ тепло?

— Да, отвѣчала Маша.

— А если кто нибудь придетъ и станетъ тоже грѣться или помѣшаетъ въ печкѣ, ты тогда чувствуешь, что лучи теплорода падаютъ уже не на тебя?

— Ахъ да! я замѣтила это, сказала Маша, только ты говоришь это все другими словами.

— Я называю вещи по именамъ; ты скажешь, что тебѣ заслонили огонь, а я—что лучи теплорода остановились на другомъ тѣлѣ, не дойдя до тебя.

Дѣти поглядывали другъ на друга, но не рѣшались заговорить о вчерашнемъ. Коля самъ началъ, будто бы нечаянно.

— Теорія звуковъ очень интересна, сказалъ онъ; но я боюсь, что вы не поймете ея; я постараюсь разсказать вамъ по крайней мѣрѣ главное. Замѣтили ли вы, что когда ударить по водѣ или бросить въ нее камень, то по водѣ пойдутъ круги, или маленькія волны?

— Да, да, сказала Маша, и чѣмъ дальше отъ того мѣста, гдѣ упалъ камень, тѣмъ они слабѣе.

— Тоже дѣлается съ воздухомъ, когда мы говоримъ, сказалъ Коля, голосъ нашъ производитъ колебаніе, т. е. волненіе въ воздухѣ, и волны распространяются по всѣмъ направленіямъ, производя такое же колебаніе въ предметахъ, которыхъ касаются, напр. въ нашихъ ушахъ; отъ этого мы и слышимъ, что барабанная перепонка принимаетъ эти колебанія, и передаетъ звуки нашимъ нервамъ.

— Это мудреная штука, сказала Маша.

— Въ теоріи звуковъ трудны исчисленія о токахъ, сказалъ Коля, т. е. отчего нѣкоторые аккорды пріятны нашему слуху, а нѣкоторые звучатъ фальшиво. Это я нетвердо знаю и не съумѣю вамъ повторить.

— Да оно и не интересно, сказалъ Сережа.

— Ну, нѣтъ, подумала Маша, но не сказала.

— Теорія свѣта, сказалъ Коля, почти такая же. Но только тамъ колебаніе производится не въ волнахъ воздуха, а эфира, летучей матеріи, находящейся въ окружающей насъ атмосферѣ.

— Что такое атмосфера? спросила Маша.

— Атмосфера,—это воздухъ, окружающій земной шаръ. Всякій предметъ, приходя въ соприкосновеніе съ эфиромъ, приводитъ его въ волненіе, и если эти колебанія доходятъ до нашего глаза, то производятъ въ немъ раздраженіе, которое и дѣлаетъ, что мы видимъ. Притомъ вамъ бы надо знать устройство глаза, но вы не поймете этого, да это и трудно объяснить.

— А что такое матерія? спросила Маша.

— Въ физикѣ матеріей называется всякое вещество; ты не думай, что это матеріи, которыя продаютъ въ магазинахъ на аршины, нѣтъ, это вотъ что: ты скажешь, напр., какая это вещь? твердая или мягкая? а я спрошу, какое это тѣло, или какая матерія, летучая, или жидкая, или твердая?

— Да, понимаю, сказала Маша.

— Всякая матерія имѣетъ различныя свойства, продолжалъ Коля, имѣетъ вѣсъ, дѣлимость, состоитъ изъ атомовъ, однимъ словомъ выражаетъ понятіе о какомъ нибудь тѣлѣ, часто невидимомъ, какъ напр. воздухъ или эфиръ. Они есть, мы это знаемъ, имѣемъ на то доказательства, но ихъ нельзя видѣть или осязать.

— Да, да, сказалъ Сережа, воздухъ нельзя видѣть. Вотъ если я посмотрю въ окно, то я вижу противуположный домъ, а не воздухъ; а отчего это?

— Оттого, что воздухъ такая матерія, что не производитъ колебанія въ эфирѣ, сказалъ Коля, онъ не имѣетъ достаточно плотности, твердости; это также бываетъ со звуками: если произвести слабое колебаніе, то мы худо слышимъ, а иногда и совсѣмъ не слышимъ.

Въ это время дѣтей позвали.

— Вотъ, сказала Маша, этотъ голосъ произвелъ колебаніе въ воздухѣ, волны его достигли до нашего уха и произвели колебаніе въ барабанной перепонкѣ, мы и услыхали.

— Да, прибавилъ Сережа, и колебаніе довольно сильное.

КОШКѢ ИГРУШКИ, А МЫШКАМЪ СЛЕЗКИ.

(Окончаніе.)

На другой день погода была опять дурная и мы возобновили наши игры. На слѣдующій день дождь пересталъ, выглянуло солнце, но трава была еще очень мокра и намъ не позволяли идти въ садъ. Мы и этотъ день провели весь въ комнатѣ, представляя съ дворовыми дѣвочками разныя сцены — какія видѣли на картинкахъ въ книгѣ, данной мнѣ Гришей. Мы до того пристрастились къ этой игрѣ, что даже когда наконецъ погода установилась и намъ позволили гулять — то мы и въ саду продолжали наши представленья. Какихъ только сюжетовъ не перебирали мы для нашего странствующаго театра! Мы были уже большія дѣвочки. Всѣ три, кромѣ Саши, начали уже учиться исторіи, читали занимательные историческіе разсказы и для насъ представленія, въ которыхъ мы хотѣли изобразить разныхъ героевъ и героинь, имѣли интересъ и смыслъ. Оттого онѣ и не надоѣдали намъ. Но бѣдныя дворовыя дѣвочки, которыя никогда не слыхивали, что были на свѣтѣ Александры Македонскіе, Цезари, Сократы, Лепиды и прочіе, — видѣли въ нашихъ представленіяхъ обыкновенную игру, въ которой имъ приходилось исполнять всѣ роли поскучнѣе и потруднѣе. Это имъ скоро наскучило. Онѣ гораздо бы охотнѣе побѣгали по саду въ горѣлки или пошли бы въ лѣсъ, или даже просто спокойно бы сидѣли на одномъ мѣстѣ и что нибудь дѣлали, особенно когда становилось жарко. За то онѣ хмурились, играли вяло и при каждомъ удобномъ случаѣ готовы были улизнуть отъ насъ въ людскую. Но на насъ не было угомону. Мы посылали за ними въ людскую, или если некого было послать, ходили сами, приводили ихъ и заставляли играть. Матери ихъ дулись за это на насъ, потому что каждая изъ нихъ больше или меньше дѣлала что нибудь полезное въ людской, смотря по своимъ силамъ. Одна помогала няньчить брата, другая вязала чулки, третья была хорошая полольщица на огородѣ и т. п. Но намъ онѣ не смѣли ничего говорить, и мы дѣлали видъ будто ничего не замѣчаемъ.

Словомъ мы насолили всему дому, потому что никому не давали покою, всѣхъ тормошили. У бабушки, у тети, у Марьи Никифоровны безпрестанно приходилось просить что нибудь необходимое то для костюмовъ, то для декорацій. Кромѣ того, мы производили великую суматоху. Таскали стулья, столы и скамейки то въ садъ, то обратно. Бабушка стала уже поговаривать, улыбаясь своей добродушной улыбкой:

— Не устали ли ужь вы, мои ласточки? — Что это вы такъ разъигрались?

Тетя раза два ласково замѣтила мнѣ и Катѣ, что мы играемъ по цѣлымъ днямъ, а такимъ большимъ дѣвочкамъ, какъ мы, не мѣшало бы хоть часъ или два въ день заняться чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ игръ.

Марья Никифоровна далеко ужъ не такъ охотно, какъ прежде, исполняла наши просьбы и нерѣдко говорила намъ безъ церемоніи, что мы подымаемъ дымъ коромысломъ, что пора бы ужь намъ угомониться, что это ни на что не похоже играть съ утра до вечера, и проч.

Но мы были глухи ко всему этому. Какое намъ было дѣло до того, что мы безпокоили другихъ. Намъ хотѣлось играть, играть, и играть! Это такъ весело!

Особенно приходилось всѣмъ намъ ссориться съ Пашей. Безпрестанно заставляли мы ее помогать намъ устроивать наши костюмы и отрывали ее отъ дѣла, которое вечеромъ все-таки спрашивалось съ нея теткой. Паша сердилась, бранилась съ нами и подъ-часъ чуть не плакала. Но насъ ничто не трогало. Если намъ становилось ужь очень досадно на нее, то мы еще стращали ее, что пожа-

*

луемся на нее бабушкѣ за то, что она грубіянитъ намъ.

Въ одно прекрасное утро, когда солнце сіяло въ полномъ блескѣ и густыя деревья сада какъ будто манили въ свою прохладную тѣнь, — наша маленькая группа расположилась вся на солнышкѣ, на дерновой крышѣ погреба, вырытаго въ землѣ. Мы избрали это мѣсто потому, что Катя представляла изъ себя Семирамиду, а кровля погреба изображала висячіе сады Вавилона. Чтобъ сдѣлать ее похожею на садъ, мы посылали дѣвочекъ за полевыми цвѣтами, дѣлали изъ нихъ букеты и вѣнки и украшали ими какъ приходило намъ въ голову наши висячіе сады. Мы пеклись на солнцѣ добровольно и къ тому на насъ были круглыя шляпы съ широкими полями. Но бѣдныя дѣвочки, не имѣя другой защиты отъ солнца, кромѣ ладони, которую держали горизонтально надъ глазами, по нашему приказанію бѣгали въ поле и рвали тамъ цвѣты. Кровь ихъ отъ безпрестаннаго движенья разгорячалась и онѣ возвращались къ намъ на погребъ всѣ раскраснѣвшіяся и въ поту. Конечно имъ было это не совсѣмъ пріятно и мы бы не согласились быть на ихъ мѣстѣ, но какое намъ было дѣло до того, жарко имъ или холодно, и устали ли онѣ бѣгать по солнцу или нѣтъ! Мы знали только, что намъ надо было цвѣтовъ, много цвѣтовъ — вотъ и все!

Съ тѣхъ поръ, какъ мы стали играть въ саду и вообще на воздухѣ, Гриша часто похаживалъ около насъ и присматривался къ нашимъ играмъ, съ видомъ пренебреженья и насмѣшливой улыбкой. На этотъ разъ онъ не вытерпѣлъ и пришелъ къ намъ на погребъ.

— Что это вы тутъ усѣлись? сказалъ онъ. Нашли гдѣ выбрать мѣсто! Вѣрно сжариться захотѣлось?

— Поди, пожалуйста, прочь, отвѣчала Катя, мы усѣлись тамъ, гдѣ намъ надо, тебѣ до этого дѣла нѣтъ.

— Гмъ! А можетъ и есть! Вы это кого представляете тутъ?

— Семирамиду! вскричала Саша. А это висячіе сады у насъ. Ты знаешь, они считались однимъ изъ семи чудесъ свѣта, поспѣшила она съ гордостью высказать свои познанья въ исторіи, заимствованныя отъ насъ на скорую руку.

— Вотъ что! то-то это и видно, что вы чудеса представляете! Ха-ха-ха! хороши висячіе сады на погребѣ!

— Ну, а если худо, такъ поди прочь, не мѣшай намъ играть, — настаивала Катя.

— И какой же смыслъ въ этой игрѣ? продолжалъ Гриша, не обращая на нее вниманія. Сидитъ Семирамида на погребѣ и плететъ вѣнки, ха-ха-ха!

— Да поди прочь! Убирайся! закричали мы всѣ на него;—что ты только все смѣешься надъ нами? Вѣдь мы тебя не трогаемъ, не ходимъ смотрѣть что ты дѣлаешь, такъ оставь и насъ въ покоѣ.

— Если ужь представлять историческія сцены, продолжалъ невозмутимо Гриша, такъ по крайней мѣрѣ надобно, чтобъ это именно были сцены, чтобъ была въ нихъ какая нибудь занимательность, было содержаніе. Вы бы вздумали хоть турниръ представить.

— А что это такое турниръ? спросила Саша.

— Это... какъ бы тебѣ разсказать. Да, это родъ военной забавы — битва между рыцарями, только не въ самомъ дѣлѣ, а нарочно.

— А что такое рыцари? продолжала разспрашивать Саша.

— Ну вотъ теперь, что такое рыцари!

— Эхъ ты, Саша, ничего еще не смыслишь, а туда же — всегда за большими гоняться хочешь.

— Да ты разскажи мнѣ, такъ я все равно какъ и большая буду знать.

— Рыцарями назывались въ средніе вѣка воины дворянскаго происхожденія. Званіе рыцаря было очень почетно. На войнѣ они отличались храбростью и очень любили войну.

Они сражались всегда закованные въ сталь: въ стальныхъ латахъ и шлемахъ. Когда войны не было, тогда они устроивали турниры, чтобъ повеселиться. Герольды и трубачи заранѣе объявляли, что вотъ въ такомъ-то мѣстѣ, въ такой-то день будетъ турниръ и что всѣ благородные рыцари, которые пожелаютъ, приглашаются участвовать въ немъ. Рыцари съѣзжались со всѣхъ концевъ на прекрасныхъ коняхъ, въ дорогомъ вооруженіи, потому что каждому изъ нихъ хотѣлось щегольнуть передъ другими.

То ходили въ лѣсъ, то удили рыбу (стр. 263, № 7).

Ихъ обыкновенно сопровождали оруженосцы. Для турнира выбиралось большое ровное пространство. Вокругъ него строили эстрады для зрителей. Дамы наряжались во всѣ свои лучшіе наряды, потому что турниръ считался большимъ празднествомъ. Между ними выбирали королеву турнира, которая должна была раздавать награды побѣдителямъ. Когда все было готово и зрители сидѣли уже на своихъ мѣстахъ, герольдъ читалъ вслухъ уставъ турнира. Затѣмъ трубачи начинали трубить, арену отворяли: рыцари, которые желали сражаться другъ съ другомъ, въѣзжали въ середину арены. Ихъ пускали по двое. Когда одна пара кончила сражаться, тогда на арену въѣзжала другая. Иногда случалось, что какой нибудь храбрый рыцарь одинъ побѣждалъ поочередно двухъ, трехъ, четырехъ, пятерыхъ рыцарей, тогда побѣдителю зрители рукоплескали съ восторгомъ. Когда судьи турнира признавали кого либо побѣдителемъ на турнирѣ, то этотъ рыцарь подъѣзжалъ къ эстрадѣ, гдѣ сидѣла королева турнира, трубачи опять трубили въ честь его. Онъ слѣзалъ съ своего коня, преклонялъ колѣно передъ королевой и она давала ему награду — золотой кубокъ тамъ или что нибудь другое. Это было очень весело!—воскликнулъ Гриша, увлеченный своимъ описаніемъ турнира. Вы представьте себѣ пеструю толпу по эстрадамъ, вездѣ бархатъ, парча, драгоцѣнные каменья. Рыцари на красивыхъ гордыхъ коняхъ, ихъ латы и шлемы сверкаютъ на солнцѣ. Весь народъ смотритъ на нихъ, чтобы не пропустить ни малѣйшаго ихъ движенія. На ихъ шлемахъ развива-

ются дорогія бѣлыя перья. Трубачи трубятъ...

— Ахъ, будемте играть въ турниръ, будемте играть въ турниръ! воскликнула Саша, обращаясь къ намъ, и захлопала въ ладоши.

— Я буду рыцаремъ! воскликнула Катя, и буду сражаться.

— И я тоже! вскричала я.

— А я буду королевой и буду раздавать награды! вскричала Саша.

Описаніе турнира всѣмъ намъ очень понравилось. Намъ казалось, что стоитъ намъ только надѣть на голову бумажныя воронки, взять въ руки цвѣточныя палочки и навѣшать на нашихъ дамъ все, что попадется подъ руки, — и по мановенію волшебнаго жезла, воронки превратятся въ настоящіе шлемы, цвѣточныя палочки въ мечи, дамы наши—въ блестящихъ красавицъ, разодѣтыхъ въ парчу и бархатъ, и вся картина выйдетъ очень блистательная, какъ описывалъ ее Гриша, а не жалкою карикатурою, какою она должна была быть на самомъ дѣлѣ, какъ всѣ наши игры.

Мы всѣ захлопотали о томъ, какъ бы намъ превратиться въ рыцарей.

— Вы ничего не съумѣете сдѣлать, проговорилъ Гриша съ пренебреженіемъ. У васъ все выйдетъ не такъ, какъ надо. Свернете изъ бумаги воронку, да и вообразите, что это шлемъ, какъ напримѣръ я видѣлъ вчера на Катѣ.

— Да мы не знаемъ, какъ сдѣлать! Покажи намъ, заговорили мы жалобно.

— Во первыхъ, заговорилъ онъ, надо сдѣлать шлемъ хоть изъ сахарной бумаги, такимъ образомъ будетъ больше похоже на настоящій. Потомъ надо же дать ему форму, надо склеить его; не мудрено вырѣзать изъ бумаги такой, какъ на картинкѣ. Перья можно сдѣлать изъ бѣлой бумаги. Ихъ надо вырѣзать и завить — такъ чтобы они походили на настоящіе.

— Ахъ, Гриша! Гриша! закричали мы всѣ,— сдѣлай намъ, пожалуйста, хоть одинъ такой шлемъ, или хоть покажи какъ ихъ дѣлать.

— Пожалуй, отвѣчалъ снисходительно Гриша, только вѣдь надо синей сахарной бумаги, потому что и панцыри надо сдѣлать.

— Мы всего достанемъ, всего, только пойдемъ на верхъ въ дѣтскую.

— Пойдемте.

И мы пустились бѣгомъ изъ сада домой въ нашу дѣтскую. Работа кипѣла. Никогда еще не подымали мы такой суматохи, какъ въ этотъ разъ и никогда еще не бывала она такъ не кстати. Это происходило оттого, что въ игрѣ участвовалъ Гриша и намъ хотѣлось отличиться на славу. Ктому же его затѣи были гораздо сложнѣе нашихъ и требовали больше времени и туда. Дѣвченки безпрестанно бѣгали то въ кухню, то изъ кухни, за клейстеромъ. Марья Никифоровна должна была перерыть всѣ закоулки въ кладовыхъ и чуланахъ, чтобъ добыть достаточное количество синей сахарной бумаги. Ей было совсѣмъ не до того въ этотъ день, потому что приближались имянины бабушки и у ней было множество хозяйственныхъ хлопотъ. За то же ужь и поворчала она на насъ, какъ никогда еще не ворчала! Мы мѣшали всѣмъ и на каждомъ шагу. Пашѣ поручено было пересмотрѣть и заштопать кисейныя занавѣски, которыя должны были поступить въ стирку, такъ какъ къ торжественному дню все въ домѣ чистили и мыли. Занавѣсокъ было очень много. Убравъ нашу комнату и тетину, такъ какъ это было также ея дѣло, она сѣла за работу и чинила занавѣски очень прилежно, пока мы не налетѣли на нее какъ ураганъ. Намъ хотѣлось, чтобъ приготовленія наши къ турниру шли какъ можно скорѣй. Мы надавали Пашѣ тысячу приказаній Одна требовала, чтобъ она сшила ей беретъ съ перьями, другая, чтобъ превратила большой платокъ въ юбку со шлейфомъ, третья, чтобъ сдѣлала изъ лоскутка огромную фрезу въ родѣ тѣхъ, которыя мы видѣли на картинкахъ.

— Мнѣ некогда, некогда! какъ хотите—не буду шить! — отговаривалась Паша. Но мы всѣ пристали къ ней сначала съ просьбами,

потомъ съ угрозами. Паша не поддавалась ни на то, ни на другое, вышла изъ терпѣнья и отвѣчала намъ рѣзко и грубо.

— Какъ ты смѣешь грубіянить! вскричалъ запальчиво Гриша.

— Я правду говорю, отвѣчала Паша. — Вы меня заставляете вамъ глупости разныя шить, а съ меня работа спросится. Занавѣски надо приготовить всѣ сегодня къ вечеру.

— Еще успѣешь двадцать разъ, вскричали мы всѣ въ одинъ голосъ. — Это ты просто изъ упрямства не хочешь намъ помочь.

— Вы потому такъ говорите, что не сами дѣлаете, возразила Паша. — Сами-то вы вѣдь цѣлые дни ничего хорошаго не дѣлаете, такъ и не знаете, на какое дѣло сколько времени надо.

— Нѣтъ, это ни начто не похоже, она не выносимо какъ дерзка! вскричалъ Гриша. — Если ты еще хоть слово пикнешь — такъ я сейчасъ пожалуюсь на тебя бабушкѣ. Сейчасъ шей, что тебѣ велятъ.

— Не буду, отвѣчала рѣшительно Паша.

— Эдакая гадкая дѣвчонка! вскричалъ Гриша, топнувъ ногой. — Ну, погоди же, тебѣ достанется теперь. Нѣтъ, я не бабушкѣ скажу, бабушка тебя очень балуетъ, я теткѣ твоей пожалуюсь на тебя. Та тебѣ спуску не даетъ, да видно мало еще тебя колотитъ. И Гриша пустился было къ двери.

Паша заплакала. Она знала, что тетка непремѣнно натреплетъ ей уши, если кто нибудь изъ насъ пожалуется, что она была съ нами груба.

Мы всѣ бросились за Гришей и окружили его, прося не жаловаться на Пашу.

— Ну, такъ пусть же она сейчасъ шьетъ, что вы велите ей шить.

Онъ остановился и взглянулъ на Пашу. Та взяла со стола пестрый фуляровый платокъ, который мы ей бросили, и — дѣлать нечего — принялась шить изъ него беретъ, между тѣмъ, какъ слезы капали на ея работу.

Много прошло времени, прежде чѣмъ были готовы наши шлемы, панцыри и наряды. Въ этотъ день нельзя уже было дать представленья, потому что надо было выбрать на дворѣ или въ саду мѣсто для турнира и устроить вокругъ него мѣста для зрителей.

Гриша отложилъ представленье до слѣдующаго утра. Послѣ вечерняго чая, онъ опять пришелъ въ нашу дѣтскую и началъ насъ учить фехтовать на палочкахъ, которыя должны были изображать рапиры и мечи.

Между тѣмъ Паша не успѣла кончить своей работы. Мы давно уже улеглись спать, а она просидѣла чуть ли не до половины ночи за своими занавѣсками.

На другое утро, тотчасъ послѣ чаю, побѣжали мы съ Гришей выбирать мѣсто для турнира. Послѣ долгихъ совѣщаній рѣшено было расположиться въ саду на большомъ лугу. Тотчасъ же приступили мы къ дѣлу. Дѣвочки начали таскать къ намъ изъ комнатъ табуреты, скамейки, которые мы разстанавливали въ кружокъ и покрывали коврами, одѣялами и всѣмъ, что попадалось намъ подъ руку, для того, чтобы общій видъ былъ великолѣпнѣе. Такъ какъ табуретовъ и скамеекъ было мало, то Гриша отправился на розыски и откопалъ гдѣ-то въ сараѣ два деревянные ящика, которые также перетащили на лугъ. Мы перевернули ихъ къ верху дномъ и прикрыли. Затѣмъ выбрали мы въ коморкѣ у садовника самыя длинныя цвѣточныя палочки, къ которымъ онъ подвязывалъ георгины и штокрозы, навязали на нихъ разные пестрые лоскуты и воткнули ихъ въ землю вокругъ арены въ видѣ флаговъ. Потомъ, съ помощью этихъ же палочекъ и большаго платка, устроили надъ однимъ изъ табуретовъ родъ балдахина, подъ которымъ должна была сидѣть королева турнира. Наконецъ все было готово. Оставалось только выбрать королеву и придумать, чѣмъ должна она была наградить побѣдителя.

Мы заспорили было о томъ, кому изъ насъ быть королевой, и, чтобы прекратить споры, рѣшили бросить жребій. Онъ палъ

на Тоню. Гораздо затруднительнѣе было рѣшить другой вопросъ: какую награду дать побѣдителю? Кто предлагалъ выпросить у бабушки гостинцевъ, кто—увѣнчать побѣдителя вѣнкомъ, кто—поднести ему букетъ цвѣтовъ и проч. Наконецъ, такъ какъ ни одна изъ этихъ наградъ не казалась намъ довольно достойною геройскихъ подвиговъ, мы рѣшились поднести ихъ побѣдителю всѣ три вмѣстѣ.

Къ немалому ужасу садовника, принялись мы опустошать садъ. Напрасно ходилъ онъ за нами и упрашивалъ насъ не рѣзать цвѣтовъ, то съ той, то съ другой клумбы, говоря, что ему надо будетъ сдѣлать много букетовъ къ бабушкинымъ имянинамъ. Мы, какъ маленькіе мародеры, грабили все, что намъ нравилось. Букетъ вышелъ огромный—въ видѣ вѣника. Вѣнокъ мы сплели изъ дубовыхъ вѣтвей и листьевъ, а гостинцевъ выпросила у бабушки Саша. Тогда королева и прочія дамы пошли одѣваться. Гриша говорилъ, что костюмы должны быть исторически вѣрны и мы постарались сообразоваться съ картинками въ его книгахъ. Королевѣ надѣли на шею широкую фрезу, посреди которой голова ея казалась лежащею на тарелкѣ. На голову ей надѣли беретъ, въ родѣ чалмы, украшенный перьями, къ лифу пришпилили живую розу, къ поясу прицѣпили, на длинной лентѣ, мѣшечекъ для денегъ, которые, въ средніе вѣка, благородныя графини, баронесы и проч. всегда носили при себѣ, чтобы при встрѣчѣ одѣлять нищихъ милостынью. Платье у Тони было длинное, потому что юбка была сшита изъ большой старой шали. Аксюшка, наряженная пажемъ, въ курточкѣ поверхъ платья и въ шапочкѣ съ бумажнымъ перомъ, несла ея шлейфъ. Прочія дамы, въ томъ числѣ и я, были въ подобныхъ же маскарадныхъ костюмахъ.

Когда всѣ усѣлись по мѣстамъ на лугу, Гриша, одѣтый герольдомъ, вышелъ на средину луга и затрубилъ въ огромную трубу изъ сахарной бумаги. Потомъ вынулъ изъ кармана бумажку и прочелъ благороднымъ рыцарямъ приглашеніе явиться на турниръ, который давалъ какой-то могущественный графъ, фамиліи не упомню. Затѣмъ протрубилъ опять и подошелъ къ двумъ палочкамъ съ флагами, обозначавшимъ ворота. Немедленно у воротъ появилась Катя въ полномъ рыцарскомъ вооруженіи, съ Настей, изображавшей оруженосца. Катя объявила, что благородный рыцарь Брюно желаетъ участвовать въ турнирѣ и проситъ, чтобы его пропустили на арену.

Мы должны были воображать, что онъ скачетъ на конѣ, но въ самомъ дѣлѣ Катя бѣжала галопомъ на своихъ собственныхъ ногахъ. Бѣлыя бумажныя перья на ея шлемѣ въ самомъ дѣлѣ развѣвались. Сверхъ панцыря, то есть какого-то кафтана, сшитаго изъ сахарной бумаги, былъ повязанъ красный кушакъ и за кушакомъ торчала палочка, замѣнявшая рапиру.

Между тѣмъ Гриша скрылся съ арены и чрезъ нѣсколько минутъ снова появился также въ панцырѣ со шлемомъ съ перьями. Онъ объявилъ, что онъ могущественный графъ и будетъ сражаться съ рыцаремъ Бруно. Противники оба разбѣжались и когда встрѣтились, битва завязалась. Оба дѣйствовали палочками осторожно, чтобъ не ушибить другъ друга, такъ было условлено заранѣе. Гриша нападалъ, Катя отступала. Нѣсколько разъ пробовала и она нападать въ свою очередь, но это ей никакъ не удавалось. Наконецъ Гриша, ударомъ снизу, такъ ловко подшибъ ея палочку, что она выскочила у нея изъ рукъ.

— Рыцарь Бруно, ты побѣжденъ! вскричалъ Гриша съ восторгомъ.

Раздались громкіе апплодисменты и обезоруженный Бруно со стыдомъ удалился съ поля битвы. Гриша гордо прохаживался на аренѣ и раскланивался апплодирующей ему публикѣ.

Побѣжденный рыцарь между тѣмъ переодѣлся въ костюмъ знатной дамы и появился на эстрадѣ въ числѣ зрителей.

— Кто желаетъ еще сразиться со мною, кричалъ Гриша въ трубу, — того вызываю на бой.

Я соскочила съ табурета, на которомъ сидѣла разряженная также въ беретъ и платье со шлейфомъ. Я сбѣгала наверхъ въ дѣтскую и надѣла Катины доспѣхи.

— Рыцарь Вольфгангъ фонъ Блуменбергъ желаетъ сразиться съ тобою, могущественный графъ, — вскричала я, появясь у воротъ арены, съ моимъ оруженосцемъ.

Гриша сдѣлалъ движеніе будто отворилъ ворота и я вступила на арену.

Я была большая шалунья. Я очень любила играть въ лошадки, въ снѣжки, словомъ во всѣ игры, которыя приличны только мальчикамъ. Поэтому немудрено, что сраженіе чрезвычайно понравилось мнѣ. Я почти воображала себя настоящимъ рыцаремъ и твердо рѣшилась не уступать побѣды Гришѣ. Я замѣтила, что ее гораздо легче одержать тому, кто нападаетъ, нежели тому, кто защищается. И потому, войдя на аренду, я такъ стремительно напала на моего противника, что онъ не успѣлъ опомниться. Палки наши скрестились. Я махала моею на право и на лѣво съ отчаянной храбростью. Но Гриша также не хотѣлъ отступить. Онъ твердо стоялъ на мѣстѣ и отражалъ мои удары. Это продолжалось довольно долго. Мнѣ становилось досадно. Зрители, видя, что бой у насъ завязался не на шутку, начали рукоплескать намъ. Это еще больше подзадорило меня, во что бы ни стало одержать побѣду. Чтобы поскорѣе кончить, я захотѣла употребить въ дѣло тотъ самый маневръ, который употребилъ Гриша съ Катей, то есть: подшибить снизу его палочку такъ, чтобы она выскочила у него изъ рукъ. Я нагнулась и размахнулась со всей силы, но въ эту самую минуту Гриша, видя чего я хочу, опустилъ свою палочку и я наткнулась на самый конецъ ея лѣвымъ глазомъ. Я громко вскрикнула отъ боли, выронила мое оружіе и закрыла глазъ рукой. Всѣ сильно перепугались и болѣе всѣхъ Гриша. Онъ думалъ, что выкололъ мнѣ глазъ. Зрители повскакали со своихъ мѣстъ и меня окружили.

— Покажи твой глазъ! Покажи! кричали всѣ.

Я открыла глазъ, но почти не могла смотрѣть имъ. Бѣлокъ былъ совсѣмъ красный, вокругъ него была сильная опухоль.

Въ одну минуту—прости турниръ, нарядныя дамы, королева, награды, сраженіе! Всѣ пріуныли.

— Что-жь теперь дѣлать? — толковали мы между собой.

Мы предвидѣли, что намъ порядкомъ достанется за то, что мы выдумали драться на палкахъ. Скрыть это непріятное обстоятельство нѣ было возможности, потому что нельзя было предполагать, чтобы глазъ мой скоро пришелъ въ свое натуральное положеніе. Больше всѣхъ боялся Гриша. Онъ боялся и за то, что ему достанется больше другихъ, и за то, чтобы этотъ ушибъ не имѣлъ дурныхъ послѣдствій для моего зрѣнія. Чтобы выгородить его, мы придумали сказать, что я наткнулась сама съ разбѣга на палочку, воткнутую въ землю.

— Балысня! балысня! вскричала Аксютка, это ницево, не бойтесь! Надо взять тляпоцку, помоцить въ водѣ да и плилозить къ глазу. И все плимацивать и все плимацивать. Ономнясь Митька какой себѣ логъ поставилъ на лбу... за пологъ запнулся, да упалъ. Только водой и вылецили.

Гриша побѣжалъ за водой, Катя и Тоня за тряпками. Когда принесли то и другое, я стала прикладывать къ глазу компресы изъ холодной воды. Кузины мои между тѣмъ побѣжали опять на верхъ въ дѣтскую, сняли всѣ свои наряды и пришли въ садъ въ обыкновенныхъ платьяхъ. Дворовыхъ дѣвочекъ также мы отпустили, къ великому ихъ удовольствію. Теперь игра не шла никому и на умъ. Долго сидѣли мы въ саду и я безпрестанно перемѣняла компресы для того, чтобы

поскорѣе выздоровѣлъ мой глазъ. Но опухоль не проходила и бѣлокъ былъ по прежнему красенъ. Очень мы боялись идти на верхъ, но такъ какъ этого все-таки было не миновать, то наконецъ собрались съ духомъ и рѣшились пойти въ комнаты. Еще на дворѣ встрѣтилась намъ Марья Никифоровна, которая съ огромнымъ ключемъ въ рукѣ шла въ амбаръ.

— Это что такое? спросила она, увидѣвъ, что я держу у глаза компресъ, и остановилась.

— Я глазъ ушибла, Марья Никифоровна, на палочку наткнулась, отвѣчала я, не отнимая впрочемъ компреса отъ глаза.

— Ну, такъ и есть! Я ужь знала, что эта игра до добра не доведетъ! вскричала она. Покажите-ка глазъ-то?

Дѣлать было нечего, я отняла компресъ отъ глаза.

— Ахъ ты Господи! вскричала Марья Никифоровна. Вотъ вѣдь до чего дошалились. Посмотрите ради Бога, глазъ-то вѣдь совсѣмъ краснехонекъ да и распухъ-то какъ. Что теперь бабушка-то скажетъ? Да и молчите еще, шли бы ужь скорѣй да показали, такъ хоть бы вамъ примочку какую дали что ли. Хорошо видно вы наткнулись на палочку,— прибавила она, подозрительно взглянувъ на всѣхъ насъ и въ особенности на Гришу. Выдумали же съ палками играть. Очень пристало барышнямъ! Какъ еще совсѣмъ-то не выкололи глазъ? Вѣдь могли бы на всю жизнь окривѣть. Пойдемте хоть къ тетѣ. У нея всякія лекарства есть, она скажетъ что дѣлать.

Мы поплелись за Марьей Никифоровной въ дѣтскую. Во все продолженіе пути она не переставала ворчать на насъ и сулила, что если мы когда либо затѣемъ еще играть въ такія игры, — такъ она запретитъ дворовымъ дѣвочкамъ даже подходить къ намъ близко, а не только что играть съ нами и проч.

Тетя также перепугалась, взглянувши на мой глазъ. И отъ нея выслушали мы выговоръ за то, что играли какъ мальчики съ палками. Но больше всѣхъ перепугалась бабушка. Несмотря на совѣты Марьи Никифоровны и тети употребить для леченія моего глаза то ту, то другую примочку, она ни на что не рѣшилась безъ докторскаго совѣта и еще до обѣда отправила коляску въ городъ за докторомъ. Ее особенно огорчало то, что послѣ завтра былъ день ея ангела. Она ожидала, что по обыкновенію пріѣдутъ къ ней всѣ родные и знакомые, въ томъ числѣ и мои родители, — увидятъ мой глазъ и подумаютъ, что за нами нѣтъ никакого присмотра. Старушка была сильно встревожена. Она ворчала и на насъ и на Марью Никифоровну и даже на тетю, зачѣмъ не усмотрѣли за нами. Марья Никифоровна въ свою очередь дулась на насъ за это, а тетя горевала сама не меньше бабушки. Словомъ мы привели весь домъ въ самое непріятное расположеніе духа. Намъ было и жаль, и совѣстно, и досадно, и мы сидѣли теперь смирнехенько, кто въ дѣтской, кто въ тетиной комнатѣ, кто внизу и занимались дѣломъ.

Пріѣхалъ докторъ и прописалъ мнѣ примочку для глаза. Онъ сказалъ, что это ничего, пройдетъ, но не такъ скоро, какъ я думала, велѣлъ мнѣ завязать глазъ и по крайней мѣрѣ съ недѣлю ничего не дѣлать, чтобы не натруждать его. Можете себѣ представить какъ мнѣ было скучно! Я не могла ни читать, ни работать и цѣлый день ходила изъ угла въ уголъ. Я очень усердно примачивала глазъ, надѣясь, что краснота и опухоль все-таки какъ нибудь пройдутъ къ бабушкинымъ имянинамъ. Но надежда моя не сбылась. Въ самый день бабушкиныхъ имянинъ по утру, когда я только-что встала съ постели, первымъ моимъ дѣломъ было подбѣжать къ зеркалу и взглянуть на больной глазъ. Опухоль прошла, но ее замѣнила такая синева вокругъ глаза, что при первомъ взглядѣ на него каждый могъ ясно видѣть, что онъ подбитъ. Бѣлокъ былъ хотя уже и не такъ красенъ, какъ сначала, но еще достаточно для того, чтобы мнѣ стыдно было

показаться передъ гостями. Я сошла внизъ только затѣмъ, чтобъ поздравить бабушку и тотчасъ послѣ чаю пришла опять на верхъ. Какъ ни уговаривали меня кузины остаться внизу, но я ни за что не хотѣла, чтобы гости видѣли меня. Я начала понимать, что тринадцатилѣтней дѣвочкѣ непростительно играть въ такія игры, въ которыхъ можно выколоть себѣ глаза и мнѣ было бы стыдно объяснить, какъ это случилось со мной. Все утро просидѣла я на верху въ дѣтской. Я слышала какъ пріѣзжали экипажи и видѣла, какъ по саду ходили гости и кузины мои нарядно одѣтыя. Мнѣ было скучно одной наверху съ Пашей. Но не смотря на то я никакъ не могла рѣшиться сойти внизъ. Тетя приходила звать меня, говорила, что на меня не обратятъ вниманія, что никто не замѣтитъ моего глаза — но я все-таки не пошла. Пріѣхали и мои мама и папа, пришли ко мнѣ на верхъ и отъ нихъ мнѣ достался порядочный нагоняй за то, что я моими шалостями надѣлала столько хлопотъ и тревоги бабушкѣ и тетѣ. Папа прибавилъ, что если я буду еще играть съ утра до вечера, подымать суматоху въ домѣ и не буду заниматься ничѣмъ дѣльнымъ — такъ онъ какъ разъ возьметъ меня домой. Внизъ мама мнѣ не посовѣтовала выходить, — потому, сказала она, что ей будетъ стыдно за меня.

— Дѣлать нечего, прибавила мама, сама себя наказала за шалости; такъ и сиди теперь тутъ. И я просидѣла весь день въ дѣтской, пропадая со скуки. Мнѣ приносили обѣдъ, чай и гостинцы; приходили меня навѣщать, но все это не могло сравниться съ удовольствіемъ быть внизу съ большими. Особенно сгрустнулось мнѣ, когда я узнала, что послѣ обѣда всѣ отправились на дальнюю прогулку. Я осталась на верху одна съ Пашей. Паша по обыкновенію была очень не разговорчива и хотя видѣла, что я скучала, но нисколько не старалась разогнать моей скуки. По случаю праздника, тетка не задала ей никакой работы и она сидѣла въ дѣтской единственно для меня, по приказанію Марьи Никифоровны, потому что одной мнѣ было бы ужь черезъ-чуръ скучно. Паша знала, что еслибъ не я, такъ она могла бы уйти въ дѣвичью, въ людскую, въ садъ, — всюду, гдѣ бы ей было веселѣе, чѣмъ со мной въ дѣтской, и поэтому была очень не въ духѣ. Она вязала въ тамбуръ какія-то кружева, которыя всегда вязала по праздникамъ, и мурлыкала себѣ подъ носъ какую-то пѣсенку, не обращая на меня никакого вниманія. Нѣсколько разъ пробовала я заговаривать съ ней, но она отвѣчала такъ односложно и отрывисто, что отбила у меня всякую охоту къ разговорамъ. Наконецъ мнѣ до того стало грустно, что я заплакала. Паша взглянула на меня.

— Ну да, сказала она, вотъ теперь плачте, такъ еще лучше сдѣлаете. Глазъ-то еще больше не заживетъ. Нечего плакать-то, сами до того додурили, что чуть глаза себѣ не повыкололи.

— Да что ты, Паша, ворчишь-то? возразила я. Вѣдь не одна я играла? Всѣ играли.

— Ну, такъ что жъ, что всѣ! И всѣмъ-то стыдно должно быть. Вѣдь, слава Богу, ужь не маленькія вы. Ну, поиграли бы часъ, другой, ну хоть цѣлый вечеръ пожалуй, а тамъ бы и за дѣло взялись. А то, какъ наладили каждый Божій день! каждый Божій день съ утра и до вечера! Смотрѣть-то на васъ тошно было. Дѣвчонокъ всѣхъ чуть не уморили на игрѣ.... Матери ихъ въ людской бранятся. Акулинъ Тишка обревѣлся совсѣмъ, бѣдная баба безъ Аксюшки, какъ безъ рукъ, не знаетъ дѣло ли дѣлать, ребенка ли качать. Да вотъ и теперь всѣ люди гуляютъ, всѣмъ праздникъ, а я, по вашей милости, сиди тутъ, да карауль васъ.

— Да перестань, Паша! вскричала я. Мнѣ и безъ твоей воркотни ужь скучно.

— А мнѣ-то развѣ весело тутъ съ вами? Вотъ то-то и есть, что правда глаза колетъ.

— Паша, вскричала я въ сильномъ при-

падкѣ досады, перестань сейчасъ же, а не то я пожалуюсь на тебя. Ты ужь слишкомъ забываешься. Ты вспомни, что ты служанка, а я барышня.

— Вотъ, какъ начнешь вамъ дѣло говорить — такъ и перестань, продолжала Паша, нисколько не смутясь отъ моей запальчивой выходки. Умѣете хвастаться, что вы барышня, а того не подумаете, что кабы не служанка, такъ вы бы и на барышню похожи не были.

— Это какъ такъ? спросила я насмѣшливо. Предположенье Паши, что безъ служанокъ я бы не была похожа на барышню, сильно удивило меня.

— Да такъ, отвѣчала Паша хладнокровно. Кто на васъ шьетъ, стираетъ, гладитъ, чинитъ — все мы, да мы — служанки ваши. Что вы сами-то себѣ сдѣлать можете? Оставь-ка васъ безъ служанокъ на свою волю — такъ находились бы оборванныя, да грязныя. Вотъ я хоть и служанка — а все умѣю себѣ сдѣлать и сшить, и зачинить, и выстирать. Аксюшка даже — такъ и та больше вашего умѣетъ сдѣлать. И та сама себѣ чулки вяжетъ, передники стираетъ и матери помогаетъ — ничего, что ей только девять лѣтъ. А вы что? Что отъ васъ толку-то? Только умѣете рядиться да играть. Вонъ воротничекъ-то, который и теперь у васъ во всѣхъ углахъ валяется, когда еще начали вышивать-то?! Сами говорили, что послѣ Святой въ рукодѣльномъ классѣ вамъ его начали — а я вѣдь знаю, что онъ никогда не будетъ конченъ. Заваляется до того, что на тряпку похожъ будетъ — ну, и бросите недошитый,— будете говорить, что противно въ руки взять. А мы вотъ, служанки ваши, — такъ не дѣлаемъ. Намъ что велятъ сдѣлать, да за что мы возьмемся — такъ изъ нашего дѣла толкъ выходитъ. Иной разъ, вѣдь какъ устанешь день-то деньской. Вы-то вотъ спите сколько хотите—а я-то встань въ шесть часовъ, — а коли не встану, такъ тетка и за волоса подыметъ. Сама-то одѣнься, да причешись, да натаскай воды въ кувшины для всѣхъ для васъ и для тети вашей также, комнаты убери на верху всѣ, вымети, да пыль вытри, а тамъ опять грязную воду вынеси. А тутъ васъ одѣвай, пуговицы вамъ пришивай, да крючки гдѣ оборваны... А тамъ тетка пихнетъ дѣло въ руки, да и велитъ, чтобы вотъ сегодня непремѣнно сдѣлано было, какъ хочешь, — есть ли время, нѣтъ ли — не разбираетъ. Подчасъ ноги-то заболятъ только взадъ да впередъ по лѣстницѣ бѣгать. Рада посидѣть за работой на одномъ мѣстѣ, хоть отдохнешь немножко; такъ и тутъ-то покоя не дадите, и начнете посылать: то туда сходи, то въ другое мѣсто сбѣгай, а все за глупостями. Да и отъ дѣла-то разъ двадцать оторвете. Вамъ что? Вамъ ничего, что изъ-за васъ другихъ бранить будутъ. Да и до того, усталъ ли человѣкъ, нѣтъ ли, какое вамъ дѣло? Вамъ и въ голову-то не придетъ, что кошкѣ игрушки, а мышкамъ слезки. А все оттого, что какъ ничего самито путнаго не сдѣлаете — такъ и понятія не имѣете о томъ, какъ человѣкъ можетъ за настоящей-то работой устать. Только одно отъ васъ и слышишь: „ты грубіянка, мы на тебя пожалуемся.“ А иной разъ право отъ горя ужь заговоришь. Нѣтъ! кабы вы вотъ хоть одинъ денекъ,—одинъ только денекъ,— на нашемъ мѣстѣ пожили бы, — вотъ хоть бы на моемъ, — такъ узнали бы тогда, каково тому, кто работаетъ. Не до игръ бы вамъ тогда было. Перестали бы меня грубіянкой называть.

Слова Паши произвели на меня сильное впечатлѣніе. Никогда еще не слыхала я ни отъ кого такихъ непріятныхъ истинъ. Я не могла не сознаться въ душѣ, что то, что говорила Паша, было справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, что мы дѣлали хорошаго и полезнаго? Если мы учились, то это потому только, что не учиться было нельзя. Но при первомъ же случаѣ, предоставленныя сами себѣ, мы забросили наши тетрадки и книги и повели самую безполезную жизнь, всѣмъ на-

доѣдая и всѣмъ мѣшая. Праздный человѣкъ, занятый исключительно одними удовольствіями, очень непріятное явленіе. Въ природѣ все работаетъ, все имѣетъ какую нибудь цѣль въ жизни, для чего нибудь создано. Начиная съ большихъ до самыхъ маленькихъ животныхъ, все трудится, если не всегда для другихъ, то по крайней мѣрѣ всегда ужь само для себя. Птички сами вьютъ для себя гнѣзды и отыскиваютъ себѣ кормъ. Муравьи также сами строятъ свои жилища и сами неутомимо промышляютъ себѣ пищу. Пчелы вырабатываютъ медъ, лошадь вѣчно трудится для человѣка; собаки, кошки, мыши, медвѣди, кроты, — все работаетъ на землѣ. А я? Что я могла сдѣлать? Паша говорила правду. Предоставленная самой себѣ, я была бы самое жалкое безпомощное существо. Я не съумѣла бы сшить даже себѣ передника хорошо, какъ Аксюшка, не съумѣла бы пары чулокъ заштопать.... Конечно пришлось бы тогда по неволѣ ходить оборванной и грязной, какъ говорила Паша.

Случалось мнѣ прежде читать въ книгахъ о томъ, что трудъ необходимъ человѣку, какъ воздухъ, которымъ онъ дышетъ, потому что безъ труда человѣкъ пропадалъ бы со скуки, какъ пропадала я теперь съ моимъ больнымъ глазомъ. Но я никогда не размышляла объ этомъ серьезно. Теперь же рѣзкія и грубыя, но справедливыя слова Паши, можетъ быть самою рѣзкостью своею, живо подѣйствовали на мой умъ и заставили его проснуться. Я призадумалась. Но сознанье, что Паша была права, боролось во мнѣ съ самолюбіемъ.

— Конечно, думала я, все это правда. Но она преувеличиваетъ, говоря, что будто ужь я не съумѣю ничего сдѣлать хорошаго. Не можетъ быть, чтобы я была ужь ни на что негодной. Я только не хочу — оттого я ничего и не дѣлаю. А если захочу — такъ все съумѣю сдѣлать не хуже ея. Она напрасно такъ важничаетъ. Не Богъ вѣсть, какія она мудреныя дѣла дѣлаетъ, разсуждала я, забывая, что главное достоинство труда въ томъ и состоитъ, чтобы хотѣть трудиться, хотѣть быть полезной.

— Что ты такъ разумничалась Паша, сказала я ей съ пренебреженіемъ. Право, ты ужь, кажется, воображаешь, что только ты одна на свѣтѣ все умѣешь сдѣлать. Повѣрь мнѣ, что еслибъ я только захотѣла — такъ съумѣла бы все сдѣлать нисколько не хуже тебя.

— Да, на языкѣ-то легко все дѣлать, возразила насмѣшливо Паша.

— Нѣтъ, я и въ самомъ дѣлѣ сдѣлаю. Хочешь я докажу тебѣ?

— Полноте пустяки-то говорить! Хоть бы ужь свое-то дѣло дѣлали. Уроки-то бы свои учили, да книжки читала, вмѣсто того, чтобы цѣлый день суматоху дѣлать — ужь и то бы хорошо было. Мое дѣло сдѣлаете! повторила она съ пренебреженіемъ. Да ужь одно только то, какъ вы встанете-то въ шесть часовъ, когда васъ и въ восемь иной разъ насилу добудишься?

— Встану, горячилась я. Что тутъ мудренаго. Вѣдь встаю же я въ пансіонѣ въ семь часовъ.

— Еще бы не вставали въ пансіонѣ-то? Тамъ вѣдь куражиться не дадутъ. Нѣтъ вѣдь служанки, которая бы у васъ передъ постелью стояла, да какъ за языкъ повѣшенная твердила вамъ: вставайте, барышня, пора вставать! Тамъ какъ разъ и накажутъ.

— А вотъ увидишь, что и здѣсь встану, когда захочу, непремѣнно встану и цѣлый день буду дѣлать все то, что ты дѣлаешь. Ты сиди себѣ на мѣстѣ и дѣлай, что хочешь. Я попрошу тетю, чтобы она мнѣ позволила за тебя весь день работать.

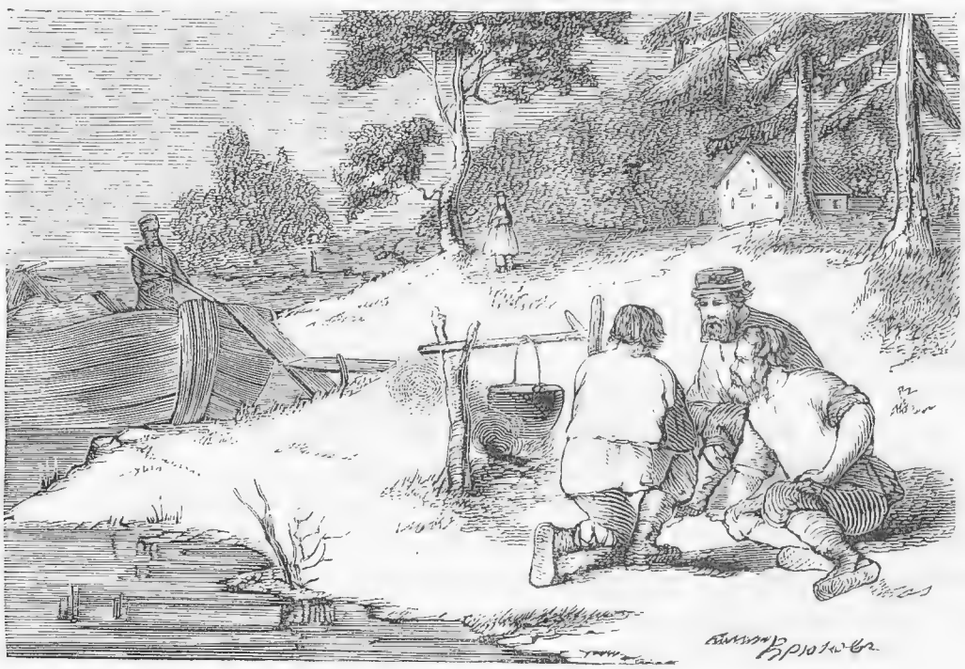
— Ну, ну, ладно, посмотримъ, что-то вы наработаете, отвѣчала Паша усмѣхнувшись.

Долго еще спорили мы объ этомъ съ Пашей и мнѣ захотѣлось во что бы то ни стало доказать ей на дѣлѣ, что я совсѣмъ не такое ничтожное, безполезное существо, какимъ она старалась меня выставить. Само-

любіе мое никакъ не могло переварить мысли о превосходствѣ надо мной Паши.

— Какъ, думала я, она простая, необразованная дѣвочка, умѣетъ только читать, да писать, а по ея словамъ выходитъ, что она гораздо нужнѣе и полезнѣе на свѣтѣ, чѣмъ я, барышня, которая учится въ пансіонѣ? Этого не можетъ быть. Я учу спряженія французскихъ глаголовъ, кончила русскую грамматику, пишу по русски почти безъ ошибокъ, въ ариѳметикѣ дѣлаю дроби — и вдругъ я не съумѣю сдѣлать такихъ простыхъ вещей, какъ заштопать себѣ чулки, пришить пуговицу, подмести комнату и проч. О нѣтъ! Я докажу ей, что я все это съумѣю сдѣлать и все-таки въ концѣ концовъ выдетъ, что я полезнѣе и дѣльнѣе ее, потому что, кромѣ всѣхъ этихъ пустяковъ, которыя она дѣлаетъ и которыми такъ важничаетъ — я имѣю еще передъ ней превосходство образованья. Я могу провѣрить длинный, запутанный счетъ, могу читать хорошія книги, могу разтолковать ей многое, чего она не понимаетъ въ природѣ, могу даже учить тому, что знаю сама, такихъ маленькихъ дѣтей, какъ Саша.

Самолюбіе мое не давало мнѣ покоя и все время, пока у меня болѣлъ глазъ, я больше всего думала о моемъ разговорѣ съ Пашей. Глазъ мой однако поправлялся медленно и много скуки вытерпѣла я въ это время. Наконецъ онъ поправился и мнѣ позволили читать и работать. Въ тотъ же день вечеромъ сидѣли мы съ тетей Ольгой въ садовой бесѣдкѣ, на берегу Невы. Вечеръ былъ тихій. Передъ нами разстилалась прелестная картина. Нева гладкая, какъ зеркало, позолоченная вечерними, солнечными лучами, текла величественно и спокойно между одѣтыми зеленью берегами и вдругъ круто поворачивала и уходила куда-то далеко, далеко, сливаясь на самой дальней линіи съ небомъ. На противуположномъ берегу былъ разбросанъ жиденькій лѣсокъ. На право деревушка, на лѣво лѣсокъ превращался въ кустарникъ, потомъ опять подымались деревья уже выше и чаще, а еще лѣвѣй, тамъ совсѣмъ вдали, чуть уже виднѣлось строеніе и ярко горѣлъ



Нѣсколько человѣкъ барошниковъ расположились ужинать.

на солнцѣ крестъ какой-то церкви. По Невѣ весело сновали взадъ и впередъ лодочки, гордо и бойко прошелъ большой пароходъ, разрѣзая воды и оставляя по себѣ бѣлый пѣнящійся слѣдъ, плавно плыли красивые ялики, какъ черепахи подвигались впередъ, держась берега, неуклюжія барки. Ихъ тащили мужики бечевой. На самомъ берегу, на зеленой лужайкѣ, немного въ лѣво отъ нашей бесѣдки нѣсколько человѣкъ бѣрошниковъ расположились ужинать. Они развели огонь и поставили на немъ огромный котелъ, въ которомъ варили пшенную кашу. Сами сѣли вокругъ котла въ пріятномъ ожиданіи.

— Тетя, тетя, посмотрите, сказала Таня, какой паръ идетъ отъ ихъ котла, а отъ хворосту дымъ. Я воображаю, какая у нихъ должна быть невкусная каша, вѣрно гарью пропахнетъ.

— Я бы ни за что въ свѣтѣ не хотѣла попробовать ихъ каши, отозвалась Катя. — Пшенная, на водѣ, да еще съ дымомъ!

— А я увѣряю тебя, что они найдутъ ее превкусною, сказала тетя. Посмотри на ихъ лица. Они вполнѣ довольны своей судьбой, потому что отдыхаютъ теперь. Когда человѣкъ хорошо поработаетъ, такъ какъ они, такъ ему всякая пища покажется вкусною.

Эти слова тети напомнили мнѣ разговоръ мой съ Пашей.

— Тетечка! вскричала я, милочка! у меня есть къ вамъ просьба.

— Какая? Ужь не опять ли новыя игры затѣваешь?

— Нѣтъ, нѣтъ, тетя, это совсѣмъ не то. Только дайте слово, что позволите.

— Я не могу тебѣ позволить, когда не знаю, чего ты просишь.

— Тетечка, я васъ увѣряю, что тутъ нѣтъ ничего худаго. Никакихъ игръ, ни шалостей. Къ тому же это касается только одной меня. Только дайте мнѣ слово, что какъ ни странна покажется вамъ моя просьба, а вы ее исполните.

— Нѣтъ, слово не даю, а можетъ быть позволю. Скажи что такое.

Я разсказала тетѣ весь мой споръ съ Пашей и убѣдительно стала ее просить, чтобы она позволила мнѣ, для пробы, на одинъ день превратиться въ Пашу.

— Странная ты дѣвочка, отвѣтила тетя улыбнувшись, у тебя что день, то новая фантазія. А впрочемъ, прибавила она, подумавъ немного, — я тебѣ не запрещаю, потому что эта фантазія не дурная. Не мѣшаетъ иногда, какъ говорится, войти въ кожу ближняго, чтобы лучше научиться цѣнить его труды и понять его положеніе.

Это позволеніе очень обрадовало и меня, и моихъ кузинъ. Онѣ видѣли въ новой моей затѣѣ только продолженіе игры и заранѣе приходили въ восторгъ, мечтая о томъ, какъ будутъ отдавать мнѣ приказанія и какъ это будетъ забавно, когда я буду служить имъ, какъ Паша. Чтобы не встрѣтить препятствій съ ея стороны, мы попросили тетю, чтобы она сама велѣла Пашѣ уступить мнѣ на завтрашній день свои занятія и ни во что не вмѣшиваться. Тетя еще съ вечера сказала ей, чтобы она завтра съ утра сѣла бы за свое шитье, не мела бы комнатъ, не одѣвала бы насъ, не приносила бы воды, словомъ предоставила бы все это мнѣ. Паша только усмѣхнулась своей насмѣшливой улыбкой, которая мнѣ очень не нравилась. Боясь проспать, на другой день я попросила ее разбудить меня въ шесть часовъ. Паша согласилась. Мы заснули поздно, потому что кузины мои, когда легли въ постель, долго болтали о томъ, какъ я буду все дѣлать за Пашу. Онѣ сильно сомнѣвались въ томъ, чтобы мнѣ это удалось.

— Неужели, говорила Катя, ты и платья намъ подгладишь какъ Паша? А непремѣнно надо подгладить. По крайней мѣрѣ мое очень измято.

— Нѣтъ, платья-то подгладить еще немудрено, проговорила Таня, а вотъ какъ-то она локоны сдѣлаетъ Сашѣ — это мудренѣе.

— Должна будетъ сдѣлать, отозвалась Саша. Вѣдь она сама взялась быть нашей горничной завтра, никто не просилъ. Не берись за то, чего не умѣешь. Она и зашить намъ должна все. Вонъ у меня давича у пелеринки пуговица отлетѣла. А жаль, что я не знала раньше, что она будетъ горничная, я бы большую, большую дыру на платьѣ сдѣлала и посмотрѣла бы, какъ бы она заштопола.

Таня и Катя принялись читать нравоученья Сашѣ, на счетъ того, что это совершенно излишнее желаніе. Саша спорила и доказывала, что въ немъ ничего нѣтъ худаго, потому что она сдѣлала бы это просто изъ любопытства, чтобы посмотрѣть, какъ я справлюсь съ ея бѣдой. И подъ ихъ говоръ я наконецъ заснула.

На другой день, когда я спала самымъ сладкимъ сномъ, услышала я знакомый мнѣ голосъ и знакомыя слова.

— Вставайте, барышня, пора.

Я совсѣмъ забыла о вчерашнемъ условіи съ Пашей и въ просонкахъ не могла его припомнить.

— Чтожъ вы хотѣли вчера встать въ шесть часовъ и все за меня дѣлать, сказала Паша,—или все это только на языкѣ было?

Эти слова въ одну минуту пробудили меня. Я сѣла на кровати и во всѣ глаза взглянула на Пашу, стараясь хорошенько проснуться и войти въ мою роль.

— Вставайте, сказала Паша, я ничего не буду сегодня дѣлать. Мнѣ Ольга Васильевна не велѣла. Вымойтесь, причешитесь и одѣньтесь, прежде чѣмъ другія встанутъ.

Мнѣ очень, очень не хотѣлось вставать, но дѣлать было нечего. Я рѣшилась начать и довести мой опытъ до конца, во что бы ни стало. Кое-какъ одѣлась я зѣвая и потягиваясь. Паша преспокойно сидѣла себѣ у окна, приподнявъ штору и шила.

— Паша, умываться! сказала я забывшись. Я хотѣла скорѣй вымыться, чтобы освѣжиться.

— Ну, чтожь, мойтесь, отвѣчала Паша хладнокровно. Возьмите кувшинъ и сходите въ людскую за водой.

— Ахъ да! вспомнила я. Вѣдь теперь мнѣ это надо самой сдѣлать.

Я взяла кувшинъ и храбро отправилась къ двери.

— Постойте, постойте, сказала Паша. Вѣдь теперь сыро, роса есть, ноги промочите. Надѣньте галоши, да платокъ большой накиньте на голову и на плечи.

Я исполнила ея совѣтъ и пошла внизъ черезъ дворъ въ людскую. Тамъ появленіе мое въ такой необыкновенный часъ произвело сильную суматоху. Аксютка, увидѣвъ меня, вскричала, вытаращивъ на меня глаза.

— Балысня, Валвала Петловна, сто это вы съ кувсиномъ плишли?

— Я еще приду Аксюшка, отвѣчала я.

— Зачѣмъ?

— Да я сегодня буду за Пашу работать.

— Сто вы, балысня, да какъ зе это мозно? Лазвѣ Паша больна, такъ давайте я вамъ зиво сколько хотите кувсиновъ воды натаскаю.

— Нѣтъ, Паша здорова, а я сама такъ хочу, Аксюшка.

Я налила ковшикомъ воды въ кувшинъ и, оставивъ Аксюшку стоять съ разинутымъ отъ изумленья ртомъ, пошла обратно. Кувшинъ съ непривычки показался мнѣ довольно тяжеленекъ и я была очень рада, когда втащила его наконецъ наверхъ по лѣстницѣ.

Я вымылась и затѣмъ принялась причесывать мои волосы. Тутъ я вполнѣ убѣдилась, что даже самыя простыя вещи, какъ напримѣръ причесать себѣ голову, гораздо легче дѣлать на языкѣ, чѣмъ на дѣлѣ, какъ говорила Паша. У меня были длинные, густые волосы. Я уже носила косу и напереди косички à la Clotilde, какъ тогда называли. Въ пансіонѣ причесывала меня горничная, за что я ей особо платила, а у бабушки Паша. Не могу высказать вамъ сколько трудовъ стоило мнѣ самой причесать волосы. Они

у меня безпрестанно путались, руки съ непривычки уставали, проборы выходили кривы. Было отчего придти въ отчаяніе. Но къ счастью, я съ дѣтства имѣла привычку не приходить въ отчаяніе ни отъ какихъ неудачъ и неутомимо преслѣдовать мою цѣль. Fais ce que tu dois, advienne ce qui pourra! славная пословица. А въ настоящую минуту я сознавала, что должна была себѣ вычесать голову и какъ ни билась а все-таки наконецъ добилась своего. Правда, что коса моя была заплетена немножко хохлато, вмѣсто проборовъ были кривули, какъ отозвалась Паша, но я все-таки, окончивъ мою прическу, взглянула въ зеркало съ чувствомъ тайной гордости и удовольствія.

— Что-жъ за бѣда, отвѣтила я Пашѣ, еслибъ я причесывалась сама каждый день, такъ и привыкла бы хорошо чесаться. А покамѣсть и такъ хорошо. Все-таки вѣдь я сама вычесалась, не попросила же тебя.

— Теперь, сказала Паша, наносите воды въ другіе кувшины, а потомъ принесите пустое жестяное ведро изъ людской.

Я принялась за работу. Пока я совершала путешествія изъ дѣтской въ людскую и обратно, у меня постоянно вертѣлась въ головѣ мысль о томъ, какъ бы хорошо было теперь напиться чаю. Я привыкла по утрамъ не приниматься ни за какое дѣло прежде чая и теперь привычка эта, особенно при рѣзкомъ, утреннемъ воздухѣ, сильно давала себя чувствовать.

Но до чая было еще далеко! Нечего было и мечтать о немъ. Когда я достаточно наносила воды, Паша сказала мнѣ, чтобы я вымела комнаты наверху, кромѣ тетиной и дѣтской, которыя убирались послѣ. Комнатъ было три, двѣ большія и одна маленькая. Щетка была большая, тяжелая для моихъ непривычныхъ рукъ. За то, когда я вымела всѣ эти три комнаты, — то устала такъ, какъ будто работала цѣлый день безъ отдыха. Совершивъ этотъ подвигъ — я прилегла отдохнуть въ дѣтской на диванѣ.

— А пыль-то кто же оботретъ? сказала Паша. Дѣлать нечего! Я взялась за полотенце и вздыхая пошла вытирать пыль. Мнѣ не пришлось отдохнуть ни одной минуты до осьми часовъ, то-есть: до того времени, когда обыкновенно будила насъ Паша и когда теперь должна я была будить моихъ кузинъ.

— Вставай, Катя, вставай, Таня, вставай, Саша, повторяла я, переходя отъ одной кровати къ другой. Кузины мои зѣвали, потягивались, какъ дѣлала бывало и я сама, подымались нехотя, одѣвались долго, безпрестанно прерывая свое одѣванье разговорами. Медленность ихъ выводила меня изъ терпѣнья, потому что мысль о чаѣ опять завертѣлась у меня въ головѣ. Я невольно подумала, что можетъ быть и Пашѣ, когда она, вотъ такъ стоитъ передъ нами по утрамъ и понукаетъ, то ту, то другую изъ насъ одѣваться,—хочется поскорѣй напиться чаю. Но она ждетъ потому, что не смѣетъ уйти отъ насъ.

— Да, подумала я, немудрено, что она иногда говоритъ съ нами грубо. И ей, какъ и мнѣ же вотъ теперь, случается терять терпѣніе.

Эта мысль произвела на меня хорошее дѣйствіе. Я смирилась духомъ, терпѣливо помогала моимъ кузинамъ одѣваться, безропотно вытерла мочалкой воду, которую онѣ умывавшись расплескали по полу. Я вспомнила, что Паша часто воевала съ нами за то, что мы моясь шалили и брызгали водой такъ, что ей приходилось послѣ подтирать полъ. Мнѣ особенно нравилась эта забава. Теперь я извѣдала на опытѣ, что не всегда бываетъ пріятно другимъ то, что доставляетъ намъ удовольствіе. Но больше всего было мнѣ горя съ Сашиными локонами. Я не умѣла дѣлать ихъ такъ скоро, какъ Паша. Саша досадовала, мотала головой и чуть не поссорилась со мною. Наконецъ къ величайшему моему удовольствію кузины мои были одѣты; мы помолились Богу и отправились

всѣ внизъ пить чай. Какъ же вкусенъ показался мнѣ въ этотъ день чай! Съ какимъ удовольствіемъ пила я его, между тѣмъ, какъ Таня, Катя и Саша наперерывъ разсказывали бабушкѣ и тетѣ со смѣхомъ, какъ я была сегодня ихъ горничной.

— Ну, ужь теперь не довольно ли, Варя? спросила тетя. Ты кажется ужь порядочно попробовала, каково быть на Пашиномъ мѣстѣ?

— Нѣтъ, тетя, милочка, нѣтъ! вскричала я. Позвольте мнѣ сегодня весь день до конца дѣлать все за нее. А не то она будетъ смѣяться надо мной, скажетъ, вотъ ужь и надоѣло вамъ дѣло дѣлать — играть веселѣй.

— Ну, какъ хочешь, отвѣчала тетя.

Допивъ мой чай, я проворно опять пошла наверхъ. Паша сказала мнѣ, чтобы я убрала тетину комнату. Опять вооружилась я огромной щеткой и пошла мести тетину комнату. Затѣмъ обтерла въ ней вездѣ пыль, вымела дѣтскую, сдѣлала наши кровати и наконецъ рада была радешенька, когда усѣлась у окна на Пашино мѣсто. Тяжелое ведро съ грязной водой Паша вынесла сама.

— Ну вотъ теперь чините все это, сказала мнѣ Паша, положивъ передо мной цѣлый ворохъ чулокъ, пелеринокъ, передниковъ и проч. Вотъ это надо заштопать, здѣсь пришить тесемку, тутъ пуговицу, говорила она, перебирая каждую вещь по одиночкѣ.

А я между тѣмъ думала, что съ удовольствіемъ примусь за иголку, потому что это давало мнѣ возможность сидѣть на одномъ мѣстѣ. Отъ безпрерывнаго движенья въ это утро, ноги мои устали такъ, какъ будто я прошла десять верстъ. Я начала штопать пелеринку. Какъ я уже сказала, я была плохая швея, а заштопать хотѣлось хорошенько. Отъ этого моя работа выходила очень скучною. Отъ скуки и оттого, что я съ непривычки встала рано въ этотъ день—меня начало сильно клонить ко сну. Я начала дремать. Напрасно старалась я разогнать дремоту мою, напѣвая пѣсенку. Я зѣвала, руки чуть шевелились.

— Сходите-ка внизъ, сказала Паша, попросите у Марьи Никифоровны катушку бумаги потоньше, эта толста.

Охъ, какъ мнѣ это не понравилось! Какъ! Опять идти внизъ, когда я была такъ рада, что усѣлась наконецъ на мѣсто и могла отдохнуть!

— Сходи сама, Паша, проговорила я, не совсѣмъ твердымъ голосомъ. Я покамѣсть вотъ хоть пуговицу сюда пришью. Ты видишь сама сколько дала мнѣ работы.

— Чтожъ, возразила Паша, вѣдь когда вы играли, у меня было не меньше этого работы и еще больше — а вы вѣдь посылали же меня безпрестанно, то за клейстеромъ, то за паклей, то за бумагой, да еще шить для васъ давали разныя шапки да колпаки. Я не дала Пашѣ докончить, встала и пошла внизъ къ Марьѣ Никифоровнѣ за катушкой. Возвратясь въ дѣтскую, я опять принялась за штопку. Съ полчаса употребляла еще я всѣ усилія, чтобы разогнать одолѣвавшую меня дремоту. Мнѣ такъ сильно хотѣлось спать, что, казалось, я готова была отдать все на свѣтѣ, чтобы заснуть хоть на полчаса, хоть на четверть даже часа. Мягкое сафьянное канапе такъ искусительно манило меня всякій разъ, когда я на него взглядывала, но прилечь на него было невозможно. Это значило признать себя побѣжденной. Вѣдь, можетъ быть, Пашѣ по утрамъ, когда она набѣгается вдоволь и сядетъ за работу — хочется спать, но вѣдь она не ложится, потому что нельзя. Она знаетъ, что у нея есть дѣло, которое надо кончить, такъ разсуждала я про себя, а между тѣмъ, несмотря на всѣ мои убѣжденія самой себѣ, — сонъ одолѣвалъ меня. Я видѣла, что Паша замѣчаетъ это. Каждый разъ какъ она взглядывала на меня, я старалась пріободриться, выпрямлялась на стулѣ и пробовала попроворнѣе дѣйствовать иголкой. Но наконецъ не хватило силъ. Я оставила рабо-

ту, облокотилась обѣими локтями на столъ и подперла руками голову, чтобъ удобнѣе заснуть немножко, хоть сидя.

— Да ну ужь, полноте, проговорила Паша, вѣроятно сжалясь надо мной, потому что голосъ ея былъ мягче обыкновеннаго,— подите лягьте, хоть на диванъ, да усните, а не то, пожалуй, еще захвораете.

Совѣтъ былъ слишкомъ соблазнителенъ. Мнѣ было стыдно. Еще съ минуту раздумывала я въ просонкахъ о томъ, лечь мнѣ или не лечь, потомъ почти машинально встала, подошла къ дивану, легла и почти въ ту же минуту заснула. Черезъ добрый часъ меня разбудилъ говоръ моихъ кузинъ. Я открыла глаза.

— Ай да горничная наша! вскричала Саша, прыгая вокругъ дивана, — поработала, поработала, да и спать улеглась!

— Что, Варя, ты будешь еще работать за Пашу? спросила Катя.

— Не хочу больше, отвѣчала я. Довольно я на васъ сегодня поработала, будетъ съ меня.

— А вотъ то-то и есть! отозвалась Паша. — Только одно утро поработали, да и то ужь изъ силъ выбились. Что, станете теперь говорить, что мое дѣло — пустяки?

— Нѣтъ, не стану, отвѣчала я серьезно.

И въ самомъ дѣлѣ это утро, одно только утро необходимаго, неизбѣжнаго въ жизни труда, произвело на мой умъ самое благотворное вліяніе. Благодаря ему, я научилась не называть никакой трудъ пустяками, пріобрѣла привычку ставить себя мысленно при каждомъ дѣлѣ въ положеніе ближняго.

Спаситель сказалъ: дѣлай другому то, чего желаешь, чтобы онъ тебѣ сдѣлалъ.

Къ несчастью, не всегда въ нашей волѣ сдѣлать ближнему то добро, которое часто желали бы ему сдѣлать. Зато по крайней мѣрѣ всегда въ нашей волѣ не дѣлать ему тѣхъ непріятностей, досадъ и огорченій, которыхъ не желали бы мы испытывать сами.

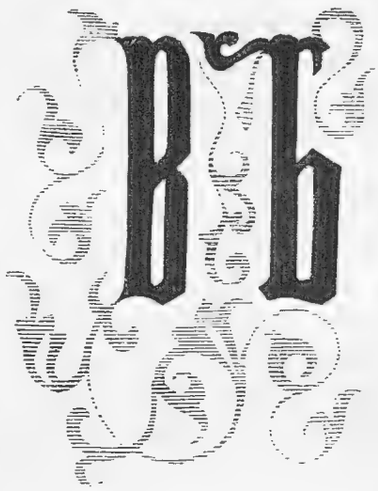
Наконецъ съ этого достопамятнаго для меня утра, перестала я увлекаться играми, какъ настоящій ребенокъ. Я научилась размышлять о томъ, о чемъ прежде никогда не думала, и вообще съ этихъ каникулъ, проведенныхъ на мызѣ у бабушки, стала я пристальнѣе и глубже всматриваться въ жизнь и научилась требовать у себя отчета въ моихъ поступкахъ.

С. Соболевская.

ДѢТИ.

(Съ натуры.)

I.



деревнѣ, въ одномъ большомъ семействѣ, гдѣ росло шесть человѣкъ дѣтей разныхъ возрастовъ, а около нихъ были цѣлыя кучи книгъ, тетрадей, игрушекъ, куколъ и всякихъ другихъ мелочей, мама потребовала, во избѣжаніе по возможности неизбѣжнаго съ дѣтьми безпорядка, чтобы всякій вечеръ, прежде чѣмъ идти спать, каждый изъ дѣтей забиралъ свои вещи и относилъ на условленное мѣсто. Мальчики отвѣчали за свои, а дѣвочки за свои. Даже отъ маленькихъ требовалось, чтобы деревянныя лошадки отводились въ стойла, а куклы ложились спать по своимъ кроватямъ и не валялись тамъ и сямъ, загромождая диваны. Но съ юнымъ народомъ трудно наладить порядокъ: для этого надо

*

много терпѣнія и настойчивости. Дѣти бываютъ и шаловливы, и забывчивы, съ ними не легко справляться. Они когда и провинятся, то часто такъ забавно оправдываются, что обезоруживаютъ своихъ воспитателей.

Какъ-то вечеромъ всѣ дѣти уже спали, когда мама вошла въ гостиную, и съ неудовольствіемъ махнула рукой. Не смотря на ея приказаніе, ариѳметика Буссе, въ прекрасномъ переплетѣ, была брошена на окнѣ и на половину пропиталась дождевой водой, которая черезъ щель наводнила весь подоконникъ, на бѣду этой невинной ариѳметики.

Возлѣ этажерки съ растеніями и цвѣтами, на полу, лежала на животѣ кукла Сони, Нинишка, въ своемъ бѣлокуромъ хохлатомъ парикѣ, похожемъ на огромную шапку. Задѣвъ юбкой за какое-то колючее растеніе, она точно со стыдомъ ожидала, что ее сейчасъ высѣкутъ и, закинувъ лайковыя, пухлыя руки на спину, прикрывала ими свои обнаженныя, мягкія части. Пришлось бѣдную Нинишку подобрать и положить въ сторону въ болѣе приличномъ положеніи. Тутъ же, въ двухъ шагахъ, англійское шитье, работа Маши, была подъ стуломъ; швейная бумага, наперстокъ, ножницы — все было разбросано и попадало подъ ноги. Забравъ все съ собой, мама отнесла всѣ вещи къ себѣ въ кабинетъ и на другой день поутру ожидала къ себѣ дѣтей, чтобы ихъ побранить. Шумное ихъ общество, послышалось на лѣстницѣ и вдругъ они всѣ весело вбѣжали къ ней, чтобы поздороваться. Съ перваго же взгляда, каждый провинившійся тотчасъ увидѣлъ свою книгу, работу, куклу—и съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ всѣ они принялись обнимать и цѣловать мать.

— Дѣти, начала было она серьезно...

— Знаемъ, знаемъ, говорили дѣти наперерывъ, — знаемъ въ чемъ дѣло...

— Мамаша, поспѣшилъ сказать Миша, сгубившій свою ариѳметику въ сафьянномъ переплетѣ, — я вчера такъ умучился на голубятнѣ, что мнѣ было не до ариѳметики... а потомъ я увѣренъ, что мой собственный покой для тебя дороже всякаго переплета... я какъ пришелъ съ голубятни домой, только поцѣловалъ твою ручку, да и завалился спать.

— Но что же тебѣ стоило только книгу захватить съ собой? продолжала мать;—вотъ и выходитъ, что ты виноватъ,—и она шутя погрозила ему на носъ пальцемъ. — А ты, Маша, полюбуйся на свою работу — она совсѣмъ грязная... никуда не годится...

— Какъ я рада, отвѣчала со смѣхомъ Маша,— она такъ мнѣ надоѣла — я терпѣть не могу и безъ того этаго англійскаго шитья, а вчера вечеромъ, невзначай, еще прорѣзала огромную дыру. Мамаша, продолжала дѣвочка, обнимая мать, — позволь выбросить эту работу за окошко — мнѣ отъ нея право и скучно и тошно... Начнемъ что нибудь другое...

— Но вѣдь и съ другимъ будетъ тоже, отвѣчала мать, — вся бѣда въ томъ, что *ты* нетерпѣлива и неряшлива; подумай только, чѣмъ же виноваты наперстокъ, ножницы, швейная бумага? Все валялось по полу... А ты, Соня, что скажешь? спросила мать четырехлѣтнюю малютку. — Гдѣ была твоя Нинишка?

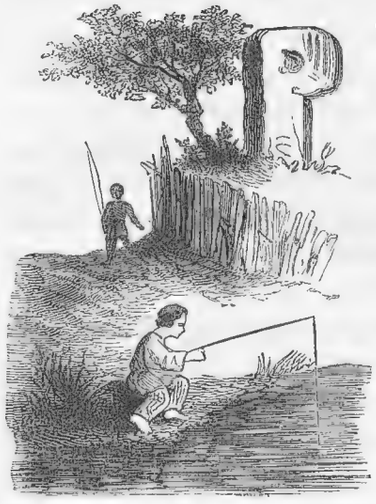
— Мамаша, я нарочно оставила ее у васъ въ лѣсу (то есть между цвѣтами), отвѣчала дѣвочка, — она вчера такъ капризничала, такъ кричала на всю улицу, что я хотѣла ее наказать...

— Да развѣ ты когда нибудь видала, чтобы я кого нибудь изъ васъ бросала въ лѣсу? спросила мать.

— Ну, мамаша, засмѣявшись сказала Соня, — вѣдь Нинишка кукла, не человѣкъ — ее наказывай какъ хочешь... это ничего.

— Поэтому не Нинишка была виновата, а Соня, которая, просто полѣнилась положить свою куклу на ея кровать,— замѣтила мама, поцѣловавъ малютку.— Я надѣюсь, что впередъ моя дѣвочка будетъ умнѣе.

II.



Рѣдко мальчики умѣютъ кланяться, когда входятъ въ комнату, гдѣ сидятъ гости или чужіе, но никто не можетъ быть смѣшнѣе одиннадцатилѣтняго Сережи. При этихъ случаяхъ, онъ сперва вытянется всѣмъ тѣломъ, выпучитъ глаза, ноги точно у гуся, носокъ съ носкомъ и пятки врозь, и въ этомъ видѣ онъ вдругъ махнетъ такой полновѣсный поклонъ, перекинувшись впередъ, что нельзя не усмѣхнуться, тѣмъ болѣе, что онъ самъ не только не улыбается, но какъ будто испуганъ или чѣмъ нибудь озадаченъ.

Между тѣмъ прилично поклониться, дѣло совсѣмъ не трудное и пустое, стоитъ только взять за привычку, каждое утро и вечеръ, прежде чѣмъ поцѣловать руку или просто поцѣловаться съ отцомъ и съ матерью, какъ дѣлаютъ всѣ дѣти, остановиться, и не спѣша, покойно поклониться, нагибаясь головой и шеей, а никакъ не всѣмъ тѣломъ.

Надъ Сережей всѣ смѣются, а было бы лучше растолковать ему въ чемъ дѣло, потому что бѣдному мальчику самому очень непріятно и неловко кланяться, когда онъ этаго сдѣлать не умѣетъ и никто его не научилъ такой нехитрой наукѣ.

ВЪ ЧЕМЪ ГЕРОЙСТВО?

(*Продолженіе*).

ГЛАВА V.

Фридрихъ могъ уже отправиться въ школу. Рано утромъ, въ первый день его отправленія въ школу, послѣ болѣзни, къ нему пришла его мать и, обнявъ его, говорила: „Мнѣ сообщилъ отецъ свой разговоръ съ тобою и твою рѣшимость слѣдовать всѣмъ его наставленіямъ; помни то, что онъ тебѣ говорилъ; — это и мое крайнее убѣжденіе. Ты никогда не позволишь себѣ поступить противъ того, что оправдываетъ твое сердце, ты не огорчишь Бога, слушая чужіе навѣты или страшась окружающихъ тебя. Много будетъ у тебя испытаній, Фридрихъ; а ты самъ будешь далеко отъ крова родительскаго, и, можетъ быть, забудешь наставленія, полученныя здѣсь. Я хочу, чтобы ты всегда вспоминалъ о нихъ: поэтому я даю тебѣ это кольцо, которое своимъ видомъ напоминало бы тебѣ объ этомъ.“

Съ этими словами она сняла кольцо съ своей руки и надѣла его Фридриху.

— Что же я буду дѣлать, мамаша, когда пальцы мои потолстѣютъ?

— Теперь оно годится на твой средній палецъ, а тогда ты надѣнешь его на мизинецъ; когда же оно не войдетъ и на этотъ палецъ, то, пожалуй, замѣни его другимъ. Только мнѣ самой хотѣлось бы, чтобы ты носилъ именно это кольцо, и смотря на него, могъ говорить: мать надѣла мнѣ его для напоминанья о наставленіяхъ отца и какъ знакъ того, что его благословеніе будетъ на мнѣ, пока я слѣдую его совѣтамъ.

Фридрихъ отправился въ школу. Появленіе его между товарищами встрѣчено было съ радостью. Особенно радовался его совершенному выздоровленію Артуръ Месонъ.

Артуръ очень сошелся съ Фридрихомъ во

время его болѣзни. Не испорченный въ конецъ слабымъ обращеніемъ своей матери, онъ былъ сильно тронутъ добротой Фридриха, съ которою тотъ хотѣлъ устранить малѣйшее дурное впечатлѣніе отъ страданій, причиненныхъ ему Артуромъ. Сначала онъ ходилъ къ Фридриху изъ чувства признательности, а потомъ искренно привязался къ нему и дружба ихъ укрѣпилась, не смотря на то, что они во многомъ расходились. Артуръ даже желалъ перемѣниться, чтобы быть похожимъ на своего друга. Фридрихъ съ своей стороны тоже полюбилъ Артура, восхищался его способностями и живостью характера, и замѣтивъ въ немъ какой-нибудь недостатокъ, вѣрилъ по дѣтски, что его другъ исправится; „да онъ, вѣроятно, и не знаетъ о своихъ недостаткахъ, а то бы давно уничтожилъ ихъ“, думалъ онъ про себя.

Еще не было девяти часовъ (начало уроковъ въ школѣ), какъ уже Фридрихъ стоялъ у подъѣзда къ доктору Вильби. Нѣсколько мальчиковъ подходили съ противоположной стороны.

— Фредъ, голубчикъ! здоровъ совсѣмъ? закричалъ обогнавшій своихъ товарищей Артуръ Месонъ. — Ахъ, какъ я радъ! Что рука: здорова по прежнему? и онъ схватилъ недавно сломанную руку за локоть.

— Не совсѣмъ такъ крѣпка, какъ была. Но докторъ говоритъ, что скоро она будетъ такою же.

Прочіе мальчики подошли къ нимъ и поздоровались съ Фридрихомъ дружески.

— Готовъ снова къ дракѣ, Фредъ? вскричалъ одинъ изъ нихъ.

— Прежде чѣмъ онъ будетъ драться съ кѣмъ нибудь, вступился Артуръ, онъ возьметъ у меня уроки боксированія; до тѣхъ поръ, я буду за него драться.

— Спасибо, Артуръ; уроки боксированія я буду у тебя брать, сказалъ Фридрихъ, а драться больше ни съ кѣмъ не намѣренъ.

— А къ чему тогда уроки боксированія, если вы не будете драться?

— Если я и не намѣренъ драться, то все-таки не позволю себя приколотить, если буду искусенъ въ этомъ. Наконецъ я хочу, чтобы чувствовали, что я не дерусь не отъ неумѣнья, а потому что такъ захотѣлъ.

— Скажите, отчего вы не хотите драться? спросилъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Потому что драться — по моему — несправедливо.

— Несправедливо!? закричали въ голосъ мальчики. Да вѣдь васъ къ этому принуждаютъ.

Артуръ молчалъ, хотя казался также удивленнымъ.

— Я не позволю себя принудить, живо сказалъ Фридрихъ, весело оглядывая своихъ товарищей.

— Но какъ же вы обойдетесь безъ драки?

— Я уже сказалъ, что не позволю себя приколотить, если можно; но ни въ какомъ случаѣ не буду такимъ трусомъ, чтобы драться изъ-за того, изъ за-чего дрался съ Артуромъ.

— Трусъ, чтобы драться?! Что такое!!.. Объясните, мы васъ не понимаемъ.... Что онъ хочетъ этимъ сказать, Артуръ? шумѣли мальчики.

— Я его тоже не понимаю, сказалъ Артуръ. Объяснитесь, Стэнли.

— Вы знаете, Артуръ, что еслибы я не боялся того, что подумаютъ обо мнѣ товарищи, и что скажетъ отецъ, — я бы не дрался съ вами. Теперь я не стану этого бояться; пускай говорятъ обо мнѣ, что хотятъ, а я драться не буду. Пожалуй, и буду, если я буду себя чувствовать правымъ въ этомъ, и причины будутъ сильныя.

Въ это время раздался звонокъ въ классъ. Одинъ изъ мальчиковъ на дорогѣ спрашивалъ у Артура объясненія того, что сказалъ Стэнли.

— Онъ говоритъ: я не буду драться до тѣхъ поръ, пока вы мнѣ не дадите толчка,— тогда ужь я вамъ отплачу.

— Нѣтъ, не такъ. Я не допущу никого

дать мнѣ толчка, если буду въ состояніи оградить себя; въ противномъ случаѣ — если я не смогу защититься, то буду думать, что на меня напали, какъ на болѣе слабаго, и трусъ тотъ, кто нападаетъ.

Докторъ Вильби съ удовольствіемъ встрѣтилъ Фридриха и не намекнулъ ему ничего о прошедшемъ. Классъ кончился. Тутъ докторъ подозвалъ къ себѣ Стэнли и Месона. Расходившіеся ученики подумали, что учитель желаетъ наказать за прошлое нарушеніе школьныхъ правилъ.

Когда всѣ ученики разошлись, докторъ Вильби сдѣлалъ серьезный выговоръ провинившимся ученикамъ, объяснилъ имъ, какъ важенъ ихъ проступокъ и объявилъ, что онъ ихъ не накажетъ, такъ какъ они уже сами достаточно наказали себя: одинъ — своею болѣзнью, другой — безпокойствомъ и раскаяньемъ о случившемся; въ заключеніе онъ требовалъ у нихъ обѣщанія: никогда болѣе не драться.

— Понимаете ли вы меня, мистеръ Месонъ? обѣщаете ли, что это болѣе не повторится.

Артуръ вспыхнулъ и молча опустилъ глаза. Докторъ Вильби посмотрѣлъ на него съ минуту, потомъ обратился къ Фридриху.

— Вы еще не помирились. Младшій долженъ сдѣлать уступку: вы, Стэнли, должны первый дать обѣщаніе не драться больше.

— Мы уже помирились, сказалъ Фридрихъ, видя какъ сомнительно посматривалъ Вильби на смущеннаго Артура.

— Очень радъ; теперь вамъ, значитъ, легче дать обѣщаніе. Даете ли вы его? я увѣренъ, что вы сами чувствуете его пользу.

— Да, сэръ, быстро сказалъ Фридрихъ, я обѣщаю никогда не драться, если будетъ возможно.

— Если будетъ возможно!? Что вы хотите этимъ сказать?

— Я не могу сказать навѣрное, что совсѣмъ не буду драться, сказалъ Фридрихъ серьезно; моя мать даже говоритъ, что есть случаи, въ которыхъ слѣдуетъ драться; но я обѣщаю не драться, если не будетъ такого случая, который меня заставитъ драться. Вотъ что я понимаю подъ словами: если будетъ возможно.

— Очень хорошо, г. Стэнли, сказалъ докторъ Вильби, улыбнувшись отъ разсужденій Фридриха, я думаю, что вы согласны со мной и больше не будете драться, потому что такихъ случаевъ, о какихъ вы говорите, вамъ и не представится въ школѣ. А вы что скажете, мистеръ Месонъ?

— Я также обѣщаю, какъ и Фридрихъ— если будетъ возможно.

Вильби внимательно посмотрѣлъ на него и сказалъ ему совершенно въ другомъ тонѣ, чѣмъ Фридриху:

— Боюсь за васъ, Месонъ. Ну, и я обѣщаю также не наказывать васъ, если будетъ возможно. И такъ мы понимаемъ другъ друга. Прощайте молодые люди.

Они раскланялись и вышли изъ школы.

— Какъ вы славно увернулись, Фредъ, и меня выручили.

— Какимъ образомъ?

— Да какъ же, вы сказали, что не будете драться, если возможно; — этимъ и я ловко отдѣлался.

— Артуръ, сказалъ Фридрихъ серьезно, развѣ это была увертка. А вы развѣ не согласны со мной въ этомъ случаѣ?

— О, Фредъ, для тебя это, можетъ быть, справедливо; но рѣшительно не годится для меня.

— Отчего же? настаивалъ Фридрихъ, неужели вы не храбры на столько, чтобы поступать справедливо безъ боязни другихъ?

— Бояться... произнесъ Артуръ съ презрѣніемъ... Дѣло не въ томъ... вы всегда такой кроткій, разсудительный; а я между тѣмъ горячусь; ну, и оскорблю кого-нибудь: не отказываться же мнѣ отъ драки; это было бы слишкомъ низко. Не такъ ли и вы думаете?

— Я не знаю, что и отвѣчать на это,

сказалъ растерявшійся Фридрихъ; но онъ сейчасъ же поправился. Подождите, Артуръ; разберемте, что „справедливо.“

Подумавши немного, онъ продолжалъ:—это не низко, Артуръ, потому что вы не хотите сознаться въ томъ, что вы обидѣли и попросить прощенія; тогда, вы знаете, драки бы не было.

— Сознаться и просить прощенія! вскричалъ Артуръ. Да я прежде высѣкъ бы его. Это всякій сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ.

— Но, вообразите, если васъ высѣкутъ!?

— Немногіе способны это сдѣлать.

— Нѣкоторые способны же.

— Ну, съ ними я тогда попробовалъ бы подраться по другому. Вы знаете, что самый слабый человѣкъ сравняется съ сильнымъ, когда дѣло дойдетъ до пистолетовъ.

— И вы бы рѣшились на дуэль въ томъ случаѣ, когда вы неправы!

— Довольно, Фридрихъ, сказалъ Артуръ горячась, чувствуя, что онъ не можетъ отстоять своего мнѣнія; не стоитъ говорить объ этомъ... Я не буду трусомъ!

— Не считаете ли вы меня трусомъ, Артуръ?

— Нѣтъ, Фридрихъ, никто, если узнаетъ васъ такъ близко, какъ я, — не станетъ считать васъ трусомъ; но кто васъ не знаетъ, тотъ легко можетъ принять за труса.

— Отецъ мой говоритъ, что со временемъ меня узнаютъ и не станутъ думать, что я трусъ; а теперь я не долженъ обращать вниманіе на слова, чтобы изъ *страха* этихъ словъ не сдѣлать несправедливости.

Фридрихъ съ удареньемъ сказалъ „изъ страха“. Въ эту минуту они были у дома Стэнли, который и распрощался съ Артуромъ, думая, что не легко исправиться его другу отъ важныхъ недостатковъ.

ГЛАВА VI.

Рука Фридриха совсѣмъ укрѣпилась. Онъ началъ брать уроки боксированія у Артура Месона, и кромѣ того занялся фехтованьемъ по желанію своего отца. Вскорѣ его товарищи почувствовали, что онъ не дерется, говоря его словами, не потому, что не умѣетъ. Впрочемъ, какъ предсказалъ Вильби, Фридриху не предстояло никакихъ испытаній въ школѣ: характеръ его былъ таковъ, что товарищи не могли бы и придраться къ нему для заведенія ссоры. Только, однажды, съ Фридрихомъ случилось слѣдующее:

Въ этой же школѣ былъ одинъ маленькій мальчикъ, по имени Вильямъ Спенсэръ; онъ былъ слабаго тѣлосложенія и кроткаго, застѣнчиваго характера. Вильямъ недавно лишился своей матери и въ настоящее время былъ страшно запуганъ своимъ дядею, къ которому онъ переселился. У этого дяди былъ сынъ—мальчикъ грубый и страшный шалунъ. Дядя, желая, чтобы дѣти приходили изъ класса не позже какъ черезъ часъ по окончаніи классныхъ занятій, и не довѣряя въ этомъ случаѣ своему сыну, строго-на-строго приказалъ Вильяму Спенсэру не опаздывать даже одной минуты. Само собой разумѣется, что мальчикъ, привыкшій къ мягкому обращенію матери, теперь изъ страха дядиныхъ угрозъ ни зачто не рѣшился бы опоздать.

Однажды была назначена школьниками большая игра въ мячъ; въ ней должны были принять участіе и ученики сосѣдней школы. Занятія въ обоихъ школахъ кончились въ три часа. Сначала стали приготовляться къ игрѣ и кончили всѣ приготовленія только черезъ часъ. Значитъ, игра только-что начиналась, а Вильяму Спенсэру и его двоюродному брату Джемсу Торну нужно было, слѣдуя приказанію отца Торна, возвращаться домой. Вильямъ Спенсэръ, тотчасъ же (хотя и съ сожалѣньемъ) оставилъ игру и взялъ свою сумку, чтобы удалиться.

— Куда это вы, Вильямъ? спросилъ одинъ изъ школьниковъ.

— Иду домой, сказалъ Вильямъ; дядя Торнъ приказалъ не оставаться болѣе часу послѣ конца уроковъ.

Джемсъ Торнъ услыхалъ эти слова и подошелъ къ своему брату, съ палкою въ рукахъ, назначенною для игры въ мячъ.—Что такое? ты хочешь отправляться домой? спросилъ онъ своего брата, горячась.

— Кузенъ Джемсъ, теперь четыре часа и вы знаете, что сказалъ вашъ отецъ.

— Ну что же! Развѣ отецъ мой говорилъ, что мы должны вернуться въ четыре часа?

— Нѣтъ; но онъ приказалъ возвращаться черезъ часъ послѣ окончанія классовъ; а классы кончились въ три часа.

— А какимъ образомъ онъ узнаетъ, когда классъ кончился, если мы ему не скажемъ?

— Онъ меня спроситъ, сказалъ Вильямъ, посматривая на часы, какъ бы боясь за то время, которое уже ушло во время разговора.

— Такъ что же! если онъ спроситъ, что вамъ мѣшаетъ сказать ему: „не знаю.“ Да эти часы къ тому же врутъ; мой дядя самъ это говоритъ, я сто разъ слышалъ,—сказалъ Джемсъ, показывая на колокольню.

— Пустите меня, упрашивалъ маленькій Вильямъ,— вашъ отецъ высѣчетъ меня; а я солгать не могу, право, не могу.

— Такъ вы говорите, что я лгу? Смѣйте еще сказать, и я васъ отколочу этой палкой больнѣе, чѣмъ дома высѣчетъ отецъ. Оставайтесь-ка тутъ. А то... сказавъ это, Джемсъ отошелъ.

Вильямъ расплакался. — Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? — говорилъ онъ, всхлипывая. Нѣсколько мальчиковъ окружили бѣднаго Вильяма; въ числѣ ихъ былъ Стэнли, который больше другихъ чувствовалъ симпатію къ Вильяму, потому что мать Фридриха была другомъ покойной матери Вильяма, и очень жалѣла сиротку.

— Дѣлайте, что справедливо, Вильямъ, сказалъ Стэнли:— если вы обѣщали вашему дядѣ, то идите.

Вильямъ съ благодарностью посмотрѣлъ на него, и сдѣлалъ шагъ, чтобы отправиться домой; но Джемсъ Торнъ, увидѣвъ это, бросился къ нему и схватилъ за руку.—Не смѣйте уходить! закричалъ онъ.

Стэнли вмѣшался: — Торнъ, пустите его домой; а то, если вы его будете держать, я самъ пойду къ вашему отцу и разскажу все какъ было: мальчика не накажутъ безъ вины.

— Какое вамъ дѣло?

— Это дѣло всякаго: заступаться за мальчика, который самъ не можетъ постоять за себя.

— Такъ вы хотите драться за него? ладно, я буду драться съ вами.

И Торнъ, оставивъ руку Спенсера, подошелъ къ Фридриху. Послѣдній взялъ его за руки.

— Спенсеръ! бѣгите!.. бѣгите! закричали мальчики въ десять голосовъ. Спенсеръ воспользовался минутой, и покамѣсть Торнъ старался вырваться изъ рукъ Фридриха, онъ уже былъ такъ далеко, что догнать его не было никакой возможности. Взбѣшенный Торнъ набросился на Фридриха: „Вы будете драться со мной!“

— Нѣтъ, Торнъ; вы знаете—я не дерусь.

— Вы низкій трусъ...

— Если бы я васъ трусилъ, то я не заступился бы за Вильяма.

— Я васъ повалю на землю ударомъ палки! закричалъ Торнъ, поднявъ палку.

— Это легче говорить, чѣмъ сдѣлать, — спокойно отвѣтилъ Фридрихъ; и схвативъ руку, въ которой была палка, онъ удержалъ ее въ воздухѣ. Торнъ замахнулся другой рукой — она тоже была схвачена, онъ попробовалъ ударить его ногой; но Фридрихъ съ ловкостью записнаго бойца подшибъ его, и придерживая за руки (чтобъ онъ не тяжело упалъ), положилъ его на землю.

— Вы видите, Торнъ, что не стоитъ со мной драться; но я не хочу пользоваться своимъ преимуществомъ. Если вы обѣщаете успокоиться, я васъ пущу. Обѣщайте.

— Хорошо; съ трудомъ проговорилъ, лежащій, Торнъ, и Фридрихъ позволилъ ему встать, говоря:

— Вильямъ теперь дома. И когда вашъ гнѣвъ пройдетъ — вмѣсто того, чтобы сердиться на меня, вы будете рады, что я не допустилъ васъ его побить.

Торнъ сердито посмотрѣлъ на него и пошолъ прочь. Прочіе мальчики хвалили Фридриха за его хладнокровіе и ловкость.

— Это было хорошо сдѣлано! кричали они. Къ Фридриху подошелъ Артуръ Месонъ.

— Дѣйствительно вы ловко поступили съ Торномъ, сказалъ онъ; — но представьте себѣ, если бы онъ былъ сильнѣе васъ, что бы вы сдѣлали тогда?

— Чтожъ, если бы никто не заступился за меня, то онъ поколотилъ бы меня. А все-таки мнѣ попало не больше, какъ если бы я дрался съ нимъ.

— Но если бы вы дрались, то было бы утѣшеніе, что и вы дали нѣсколько ударовъ.

— Утѣшеніе!.. знать, что я дурно поступилъ; хорошо утѣшеніе!

— Неужели же вы стояли бы смирно и позволили себя колотить ему, еслибъ не имѣли силы больше, чѣмъ у него?

— Нѣтъ, я не стоялъ бы смирно; еслибъ я не могъ заставить его не драться, то сталъ бы платить ударъ за ударъ. Мой отецъ говоритъ, что человѣкъ, изъ чувства самосохраненія, долженъ защищать себя, когда на него нападаютъ; защищаться отъ нападенія— законно!

— Что это, Фредъ, вы говорите точно адвокатъ. Не хотите ли вы сдѣлаться адвокатомъ?

— Адвокатомъ! Нѣтъ.

— Кѣмъ же вы будете?

— Навѣрное я еще не знаю: я еще не совсѣмъ рѣшилъ; а думаю быть или солдатомъ или морякомъ.

Артуръ засвисталъ и продолжалъ:

— Солдатомъ или морякомъ, и не драться?

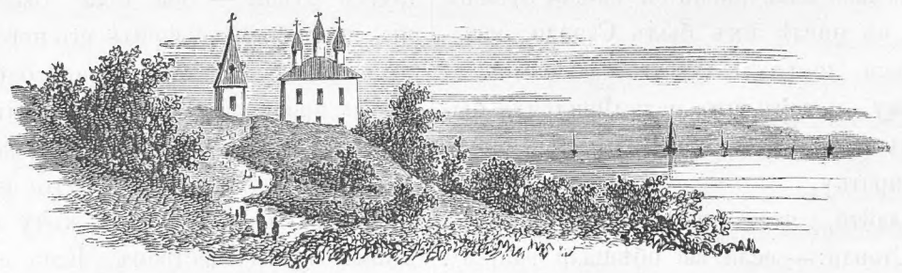
— Нѣтъ, Артуръ, ты меня не понимаешь. Я не хочу драться безъ основательной причины, но если буду чувствовать, что это справедливо, тогда другое дѣло. Солдаты и моряки дерутся за свою родину, а это добрая причина.

— Ну, Фредъ, по моему — вамъ слѣдуетъ быть адвокатомъ.

— А я имъ не буду.

— Тогда, если вы поступите въ армію или въ морскую службу, то и я тоже, — сказалъ Артуръ смѣясь, — хоть для того только, чтобы посмотрѣть, какъ вы справитесь безъ драки. Вы дайте мнѣ знать, когда рѣшитесь избрать какую нибудь изъ этихъ карьеръ.

(Продолженіе будетъ.)



Редакторъ-издательница М. Ростовская.

Дозволено цензурою, 7-го іюля 1869 г. С.-Петербургъ, типографія Майкова, въ д. Мин. Финан., на Дворц. площади.